

Харчевникова Р.П.

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ПРИЧАСТИЙ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ

Причастие, как и прочие грамматические формы глагола, описывалось в ранних и во всех последующих грамматиках монгольских языков, вплоть до нашего времени. Первым специальным исследованием причастий в монгольских языках явилась статья М.Н.Орловской "Употребление причастий в "Сокровенном сказании монголов" - древнем памятнике монгольской литературы (XIII в.) (Орловская, 1958, 101-125). Скрупулезный анализ причастных форм был впоследствии продолжен ею, углублен и подтвердил наличие их как в письменном языке, так и в устной речи монголов с давних времён.

Те же самые формы причастий сохранились в современных монгольских языках, претерпев незначительные внешние и семантико-функциональные изменения. Некоторые из них перестали употребляться, как, например: общемонгольское многократное причастие на *-dag/-deg* в дагурском, монгорском, дунсянском, баоаньском и могольском - "окраинных" монгольских языках, развивавшихся вне остального монгольского ареала. Другая форма причастия настоящего времени на *-ha/-a* отсутствует в монгорском, дунсянском, баоаньском языках (Санжеев, 1963, 133-134, 207, 210). В калмыцком языке количество выделяемых авторами причастий не совпадает, различается по составу включаемых в них форм и их названий: А.Попов находит шесть причастий, А.Бобровников - семь, Вл. Котвич и Г. Рамстедт - четыре.

Начиная с 70-х годов прошлого века, специальным исследованием морфологии и синтаксиса причастий в современном монгольском языке занимается Ц.Цэдэндамба (1970; 1974, 94-99). Предметом отдельного исследования стало причастие на *-х* в калмыцком языке (Дамбинова, 1983). Казалось бы, верно замечание Ц.-Ж. Цыдыпова о том, что о причастиях монгольских языков написано немало, и этот вопрос считается более или менее выясненным в монголистике (Цыдыпов, 1972, 46). Между тем краткий экскурс в историю исследования причастий и накопленные сведения показывают, что необходим углубленный анализ, дополнение и уточнение некоторых вопросов, так как природа и поведение причастий в языке продолжают оставаться до конца не выясненными.

1. Существовало несколько точек зрения относительно этой категории слов, в частности их названия. Так, А. Попов рассматривал причастия как "имя прилагательное, происходящее от глагола и заключающее в себе время и действие его" (Попов, 1847, 136-139). В зарубежной лингвистике вслед за Г. Рамстедтом, обратившим внимание на необычное употребление причастий в монгольских языках (в субстантивном, адъективном и предикативном значении), стали называть их отглагольными именами (*nomen verba*) (Рамстедт, 1903, 17-21; 1957, 32). Г.Д. Санжеев справедливо заметил, что такое терминологическое обозначение затрудняет их отграничение от отглагольных имен, и более приемлемо именовать их причастиями, как принято в русской лингвистике (Санжеев, 1963, 197).

2. В грамматической характеристике и структурно-семантической классификации причастий также прослеживаются противоречия. С одной стороны, Вл.Котвич (1929, 286-289) и М.Н.Орловская (1958), а в 60-е годы к ним примкнул и Г.Д.Санжеев (ГБЯ, 1962, 279; 1963, 195-227), позднее - Б.Б.Бадмаев (1966), Ц.Цэдэндамба (1970; 1974, 94-99) и др. традиционно классифицируют причастия по трём временам: настоящего, прошедшего и будущего времени. Различия возникли лишь в наименовании форм и отнесении их к определённому времени. По Г.Д.Санжееву, в бурятском языке к прошедшему времени относятся причастия прошедшего времени, завершено-прошедшего времени и страда-

тельные причастия; к настоящему времени - причастия многократные, однократные и возможности; к будущему времени - причастие будущее (ГБЯ, 279). С другой стороны, А.Попов (1847) и А.Бобровников (1849) классифицировали причастия по двум признакам: видовому и временному. Первоначально и Г.Д.Санжеев (в 40-е годы) причастия делил на временные (прош. вр. *ябаһан* "пошедший"; буд. вр. *ябаха* "который пойдёт" и наст.-прош. вр. *ябаа* "ушедший") и невременные (многократное причастие *ябадаг* и однократное причастие *ябагша* "ходящий") (Санжеев, 1941, 67-68).

В 70-е годы Ц.-Ж.Цыдыпов, взяв за основу первоначальную точку зрения Г.Д.Санжеева по данному вопросу, предложил классифицировать причастия в монгольских языках на 4 группы: временные (причастия наст.-прош., завершено-прош. и буд. времени), видовые (много- и однократные причастия), модальные (причастия возможности и целесообразности) и диатезальное (страдательное причастие) (Цыдыпов, 1972, 47-48). По мнению Ц.Б.Цыдендамбаева об этой сложной классификации, желание выделить видовые и модальные аналитические конструкции привело автора к необходимости дробить единую систему в рамках принятой концепции глагольных видов, выраженных аффиксами причастий и деепричастий в составе аналитических конструкций. Это же в равной мере относится и к так называемым модальным причастиям. Между тем, как правило, все названные значения: временные, видовые, модальные и диатезальные - придают аналитическим формам, прежде всего, вспомогательными глаголами, а не самими причастиями и деепричастиями (Цыдендамбаев, 1979, 118-119).

Г.Д.Санжеев обобщает традиционную классификацию причастий, ставшую общепринятой: "При уточнении временных значений причастий необходимо отсекают те модификации, которые привносятся разного рода связками и вспомогательными глаголами, участвующими в образовании так называемых сложных временных форм и подлежащих рассмотрению в описательных грамматиках каждого из монгольских языков" (Санжеев, 1963, 197).

3. Нуждается в уточнении определение сущности причастия. Традиционно причастие определяется как производная глагольная форма, имеющая признаки глагола и имени. Придавая причастиям свойства имени, монголисты раннего и более позднего периода, вплоть до настоящего времени, приписывали им именное склонение, не усматривая в употреблении падежных форм причастий их сдвига в сторону существительных. Г.Д.Санжеев различает причастия не только по временному признаку, но и по синтаксическому функционированию их в языке: делит все причастия на две группы - непредикативные и предикативные. К непредикативным он относит причастия, которые выступают в предложении в роли определения, подлежащего, дополнения, а к предикативным - причастия, которые выступают в роли сказуемого (Санжеев, 1963, 197, 201).

По определению А.Бобровникова, причастие показывает отношение действия к действующему субъекту (Бобровников, 1849, 185). Это, несомненно, определяет приоритет атрибутивного функционирования причастий. Исключительно все исследователи подчёркивают, что формы причастий наиболее употребительны в атрибутивной, а затем в предикативной функции. Для подтверждения этого наблюдения рассмотрим анализ синтаксического функционирования причастий в письменных источниках. В "Сокровенном сказании монголов" (Орловская, 1958) отмечено преобладание атрибутивного и предикативного функционирования причастий (буд. вр. - с.102, на -гчи - с.115, многократного - с.116, прош. неокончен. - с.118, прош. совершен. - с.119). В эпосе "Джангар" из 150 случаев употребления причастия буд. вр. значительная часть выступает в роли определения; из 350 случаев употребления причастий прош. вр. на долю определения и сказуемого приходится более трёхсот случаев, из 110 случаев использования в тексте эпоса многократного причастия большая часть падает на функцию определения (Тодаева, 1976, 158-163).

На этом основании можно заключить, что суть действия причастия отличается от действия основного глагола. Это значит, что причастие в монгольских языках называет "процесс (действие или состояние), представленный как признак предмета, протекающий во времени и совмещает в себе свойства глагола и прилагательного" (РГ, 665; Шанский, 212).

4. Явление субстантивации длительное время оставалось вне внимания монголоведов. В научной литературе имелись отдельные высказывания, в которых отмечалось субстантивное свойство имён прилагательных (Попов, 1847, 237; Санжеев, 1941, 31; Алексеев, 1941, 190; Бертагаев, 1968, 63; А. Дарбеева, 1958, 152-165; Бадмаев, 1966, 57-60; Каляев, 1970, 1979 и др.) и причастий (Орловская, 1958, 101,125; Тодаева, 1951, 135; 1960, 34-52; Санжеев, 1963, 201; Бадмаев, 1966, 90-94; Сусеева, 1969, 47-69 и др.).

Процесс субстантивации как неотъемлемое свойство отдельных частей речи - явление давнее, и в современных монгольских языках он усиливается. Первые попытки выявления субстантивации на материале имён прилагательных в халха-монгольском языке сделаны М.Н.Орловской в разделе ее кандидатской диссертации "Прилагательные в функции подлежащего и дополнения" (Орловская, 1953). Позднее, анализируя употребление причастий в "Сокровенном сказании монголов", и в том числе падежных форм, их сочетания с послелогом и показателями принадлежности (притяжательными частицами), она определяет их значения и синтаксические функции, делает замечания о субстантивном употреблении отдельных падежных форм причастий (Орловская, 1958, 105, 115,120).

В это же время субстантивному употреблению имён прилагательных в бурятском языке была посвящена специальная статья А.А.Дарбеевой. Ей принадлежит приоритет в разработке этой сложной проблемы. Автором впервые в монголистике дано обоснование процесса субстантивации в монгольских языках на основе положений общей лингвистики. На материале бурятского языка выработан подход к анализу явления субстантивации в языке: 1) определение лексико-грамматических признаков субстантивированных прилагательных; 2) уточнение степени субстантивации или установление типов субстантивации имён прилагательных (Дарбеева, 1958, 154). Проведено разграничение в терминах "субстантивное употребление прилагательных" (в случае частичной субстантивации, при которой сохраняются значения прилагательного) и "субстантивированное прилагательное" (в случае полной субстантивации, связанной с утратой значения признака). Последний термин применим в сочетании со словом "окказионально", т.е., по Г.Паулю, "временно субстантивированное прилагательное" (цитировано по ст. А.А.Дарбеевой - 1958, 155).

Субстантивное употребление прилагательных обусловлено лексико-грамматической и морфологической характеристикой прилагательных: 1) опущением определяемого существительного; 2) без опущения определяемого; 3) при постпозиции. Краткий анализ статьи предпринят нами не случайно: на причастия в монгольских языках аналогично распространяются выдвинутые выше принципы обоснования явления субстантивации. Представляется, что причастия так же, как и прилагательные, "не имеют форм склонения, а в тех случаях, когда принимают падежные окончания, они опредмечиваются. Иными словами, падежное оформление... указывает на их предметное значение. Употребляясь "в предметном значении... могут принимать все падежные формы имён существительных, а также суффиксы притяжания" (Дарбеева, 1958, 161). Это подчеркивает то, что изначально причастия содержат в себе свойства глагола и прилагательного. Что касается падежных форм, то они все должны рассматриваться как явления различной степени субстантивации, т.е. субстантивного употребления причастий.

Лишь в 70-е годы исследователи обратились к теме субстантивации причастий в специальных работах. Д.А.Сусеевой проанализирована субстантивация причастий в калмыцком языке на материале глагольных словосочетаний (Сусеева, 1969, 47-62; 1978, 158-180). В монгольском языке контекстуальная субстантивация рассмотрена Ц.Цэдэндамбой в его кандидатской диссертации (Цэдэндамба, 1970, 17-18). Впоследствии им была опубликована статья "Субстантивация причастий и их синтаксические функции" (Цэдэндамба, 1972). Вместе с тем, несмотря на то, что в научных статьях упоминается об употреблении причастий в падежных формах, о сочетании их с послелогом и притяжательными частицами, исследователи не выходят за рамки традиционного описания их природы. Так, Ц.Цэдэндамба в монгольском языке, а Б.Б.Бадмаев - в калмыцком одинаково отмечают, что причастию присущи свойства глагола и прилагательного. Однако они подчеркивают, что причастия в названных языках "как по форме, так и по природе (семантике) несколько своеобразнее и шире", чем в русском языке: "монгольские прича-

ствия, с одной стороны, содержат в себе признаки глагола, а с другой стороны - прилагательного и существительного" (Цэдэндамба, 1974, 94). Б.Б.Бадмаев также противоречит принятому определению. После замечания о субстантивации причастий "При полной субстантивации причастия принимают лично-притяжательные частицы: *тер сууснь мана ах* - тот сидящий - наш брат", он неожиданно заявляет о том, что "причастия в современном калмыцком языке, за исключением причастий на -а склоняются, почти не отличаясь от имён существительных" (Бадмаев, 1959, 140; 1966, 93). В "Грамматике калмыцкого языка" (1983) также утверждается, что в калмыцком языке "подобно именам, причастия склоняются по падежам" (Дамбинова, 1983, 234).

Субстантивация причастий

Данное явление заслуживает отдельного рассмотрения, так как в соответствии с нуждами контекста широко употребляются субстантивные формы причастий. Процесс субстантивации возникает в результате того, что определяемое слово, как легко подразумеваемое, очень часто опускается, и причастие приобретает свойства имени существительного. Оно становится зависимым компонентом глагольного словосочетания и функционирует в роли подлежащего, дополнения и обстоятельства. Под влиянием синтаксической роли существительного в причастиях превалирует значение предметности. Если в русском языке субстантивированные причастия продолжают оставаться в падежных формах адъективного склонения, то в калмыцком языке они образуют падежные формы имен существительных (за исключением продолжительного причастия наст. вр. на -а/-ә, причастия возможности на -м и страдательного причастия на -ата/-әтә), могут иметь частицы личного и безличного притяжания. При этом наличие частиц субстантивацию причастий делает устойчивой. Анализируя значения и функции падежей в калмыцком языке, Б.Х.Тодаева указывает на отдельные значения падежных форм причастий (Тодаева, 1960).

Субстантивированные причастия характеризуются двойственностью грамматических свойств: обладая морфологическими категориями имени существительного (формой падежа, числа, принадлежности), они сохраняют грамматические значения глагола (залоговые, видовые, временные). Степень перехода причастий в существительные в монгольских языках бывает различной. Существует два типа субстантивации частей речи, в том числе и причастий (Дарбеева, 1958; Орловская, 1958, 47-69; Бертагаев, 1968): синтаксическая (или неполная) и лексическая (или полная), имеющих принципиальное различие.

При синтаксической субстантивации причастия сохраняют отчетливо свою глагольность, и этот тип бывает двух видов: глагольная субстантивация и окказиональная.

1) При глагольной субстантивации причастие вместе с зависимыми от него словами представляет собой причастный оборот и в целом выступает в синтаксической роли имени существительного, т.е. развёрнутого члена предложения: *Барун бийень ахължъ суудгънь ирегче йирен йисен жилә юмиге таажъ мэддег Күнкән Алтън Чээже* (Ж.) - Сидящий во главе справа - предсказывающий на 99 лет вперед ясновидец Алтан Чееджи. *Цуг әмтен колхоз бүрдәхин тускъ хурьгтъ ирцхәве* (М.Н.) - Все люди пришли на собрание о создании колхоза. *Кэсгәсе нааран холь һазьртъ йовсъндан көвүн ииме сәнер хальмьг нәр үзәд уга* (О.У.) - Из-за длительного пребывания вдали от дома юноша не видел давно такого интересного калмыцкого праздника. В этих примерах субстантивированное причастие является стержневым словом формируемых ими причастных оборотов, выраженных развёрнутыми членами предложения: подлежащим (*барун бийень ахължъ суудгънь* - сидящий во главе справа), дополнением (*колхоз бүрдәхин тускъ* - о создании колхоза) и обстоятельством (*кэсгәсе нааран холь һазьртъ йовсъндан* - из-за длительного пребывания вдали от дома).

Чаще всего глагольной субстантивации в современном калмыцком языке подвергаются причастия прошедшего времени на -сън/-сен и многократное причастие настоящего времени на -дъг/-дег.

2) При окказиональной субстантивации причастие не имеет при себе зависимых слов. Оно в большей степени тяготеет к именам существительным, приобретая категории падежа и числа, но целиком зависит от контекста. : *Даарсъндъ һал түле, өлссенде хотъ өге*

(Посл.) - Озябшего обогрей, голодного накорми (= озябшему, проголодавшемуся). *Цэцен үзсэн, тэнег идсэн* (Посл.) - Мудрый говорит об увиденном, а глупый - о съеденном. В окказиональную субстантивацию включаются причастия прошедшего времени, будущего времени на *-хь/-хе* и многократные причастия настоящего времени.

Эти два вида синтаксической субстантивации обусловлены контекстом, близки между собой и различаются наличием или отсутствием при причастии зависимых слов. Различаются они и тем, что при окказиональной субстантивации возникает тенденция к лексической устойчивости, приобретению значения предметности: *кэлсен* - сказанное, *таньдыг* - знакомый, *мэддег* - знающий и т.д.

При лексической субстантивации причастия, утратив глагольные свойства, полностью перешли в разряд существительных, называя:

а) лицо (субъект или объект) по его действию, характерному занятию или должности в настоящем или постоянно (*ахлыгчъ* - ист. староста, воен. старшина, *нуурлегче* - передовик, *күцэгче* - исполнитель, *таньдыг* - знакомый, *татдыг* - ящик стола, *боодыг* - пруд, *хоцърдыг* - отстающий), в прошлом (*үксен* - умерший, *орһсын* - беглец, сбежавший) и в будущем (*ирхень* - тот, кто придёт, *кэлхень* - тот, кто скажет, *бичхень* - то, что надо написать, *идхееуухъ* - еда, *өмсхе-зүүхе* - одежда, вещи). *Көделхень* - *көшө чолун*, *идхень* - *иревске барсы* (Посл.) - В работе - камень-валун, в еде - рысь и барс (= его работа, его еда). *Эсе үкхиге ээже эсе һарһжъ, эсе үрхиге урьн эсе кэже* (Посл.) - Бессмертного (т.е. того, кто не умрёт) не породила мать, нетленного (т.е. того, что не портится) не создал мастер;

б) лицо, подвергшееся действию (*альгдсын* - убитый, *цаажлыгдсын* - наказанный, репрессированный, *көөгддег* - гонимый); *туугдсын* - изгнанник, *сунһыгдсын* - избраннык;

в) обобщённое название явления (*давсын*, *өнгөрсен* - минувшее, прошлое, *ирегче* - будущее, *кэлсен* - сказанное, *шүүсен* - сок);

г) научные термины (*нэрлегче* - подлежащее, *кэлегче* - сказуемое, *хасыгчъ* - вычитаемое, *хувагчъ* - делимое).

Количество полностью субстантивированных причастий невелико. Некоторые из них, субстантивируясь, продолжают употребляться в своём первоначальном значении причастия: *татдыг* - обычно тянущий, *боодыг* - обычно завязывающий, *күцэгче* - исполняющий. Это явление относится к грамматической омонимии, возникшей в результате распада синтаксической полисемии. Например, слово *татдыг* в зависимости от функции может выступать как причастие, образуя причастный оборот с зависимыми от него словами; как прилагательное, теряя при этом глагольные признаки; как существительное, приобретая категории падежа и числа (Сусеева, 1969, 59), фактически здесь не одно слово, а три "разных по значению, но звучащих одинаково" (Маслов, 1963, 198).

Процесс субстантивации - явление прогрессирующего характера. Субстантивированные причастия могут свободно образовываться в соответствии с нуждами контекста. Они употребляются как в художественной литературе, так и в разговорной речи. Такое более или менее подробное описание явления субстантивации причастий связано с тем, что их падежные формы в типе синтаксической субстантивации (глагольной) участвуют в образовании причастных конструкций (по Д.Сусеевой) или причастных оборотов (по У.Очирову, Г.Пюрбееву), выступающих в синтаксической роли существительного, т.е. развёрнутых членов предложения: подлежащего, дополнения, обстоятельства (образа действия, причины, цели, времени и места). Однако при синтаксической субстантивации причастия сохраняют ярко выраженную глагольность: способность всестороннего управления.

На основании изложенного мы приходим к выводу, что употребление форм причастий в синтаксических функциях имени существительного: в роли подлежащего, дополнения, обстоятельства - легло в основу традиционного определения причастий, как форм, совмещающих в себе свойства имени и глагола, хотя, по сути дела, причастия изначально и в современных монгольских языках представляют собой глагольные образования, которые содержат в себе признаки глагола и прилагательного, а процесс субстантивации в разной степени представляет собой сдвиг причастий в сторону имени существительного, либо обстоятельственного деепричастия, т.е. они подвергаются лексико-семасиологическим модификациям.

Рассмотрение лексико-семасиологической модификации причастий в процессе субстантивации причастий в калмыцком языке требует уточнения. Д.А.Сусеева делит причастия на обычные и необычные. К обычным она относит причастия, характеризующиеся как признаками глагола, так и прилагательного, а также способностью употребляться в падежных формах и выступать в синтаксической роли имени существительного, т.е. субстантивироваться. Однако непоследовательным является, с нашей точки зрения, включение ею в состав необычных причастий падежных форм винительного: ...*иджэхинь шинжлүв* - я стал наблюдать (что?) ...(мухи) кусают; ...*чамагь үксичен медлөв* - ...я узнал о том, что ты умер (= о твоей смерти - Р.Х.); дательного: *дөкөд хойьр тоолсынды*,... *харна* - когда во второй раз посчитали (точнее, при последующих двух подсчётах - Р.Х.) (когда?),... *вышло*; *маниге салхды*,... *нилхе билө* - когда мы разлучились (= во время расставания - Р.Х.),... *был маленьким*; именительного: ...*мал усължасън үзегдвэ* - *показался (что?)* водоной скота (Сусеева, 1978, 172-174), которые, несомненно, являясь причастными субстантивами, формируют причастные обороты, выражающие развёрнутое дополнение, обстоятельство, подлежащее.

К необычным причастиям автором отнесены причастия в падежных формах, не являющиеся субстантивами вследствие утраты присущей им некоторой "предметности": ...*харһ-хар ирлө* - ...*приехал встретиться*, ...*услхар йовжь одвь* - ...*отправился поить*; ...*йовхар сэдвэ* - ...*хотела направиться* и т.д. Постепенное усиление синтаксической связи необычных причастий с глаголом привело к их превращению в наречия (Сусеева, 1969, 61-62). Трактовка автором данного явления, как адвербиализации, с нашей точки зрения, является ошибочной. Традиционная монголистика и факты современного калмыцкого языка подтверждают наличие в языке "отпричастных форм" обстоятельственных деепричастий: условного (-*хла/-хлө*), предварительного (-*хларьн/-хлэрен*), целевого (-*хар/-хэр*), заменного (-*хар/-хэр*) и продолжительного (-*сара/-сөрө*, -*хара/-хөрө*) (Санжеев, 1963, 240-249; ГБЯ, 1962, 286-292; Шархуу, 1970, 13; Харчевникова, 1983, 256-259), которые, являясь стержневым словом, образуют обстоятельственные деепричастные обороты. Названные "отпричастные формы", т.е. субстантивы причастий, перешли в разряд обстоятельственных деепричастий вследствие утраты ими признаков имени существительного.

Для анализа причастий в современном калмыцком языке нами приняты следующие установки с учетом дополнений, замечаний и уточнений, изложенных выше.

1. Определение причастий должно базироваться на замечании А.Бобровникова о том, что причастие показывает отношение действия к действующему субъекту (Бобровников, 1847, 135), т.е. обозначает действие-признак, состояние-признак, присущие предмету, и его способность к действию, выраженному в производной глагольной основе, и выступает в атрибутивной позиции.

2. Субстантивные формы причастий в разной степени субстантивации должны выделяться в составе причастий как особое явление употребления их падежных форм. Одиночные либо с зависимыми от него словами причастия в сочетании с послелогоми и притяжательными частицами (либо без них) могут обозначать действующий предмет или объект действия, обстоятельство или результат действия и выступают в предложении в синтаксических функциях имени существительного: простого или развёрнутого подлежащего, дополнения, обстоятельства. Причастия в субстантивном употреблении становятся зависимыми от основного глагола словами в глагольном словосочетании. Спецификой причастий определяется особенность глагольных словосочетаний данного типа: простые словосочетания, в образовании которых участвуют одиночные причастия окказиональной или лексической субстантивации; распространённые словосочетания, в которых причастие в падежных формах имеет при себе зависимые слова и выступает как единое целое, т.е. развёрнутый член предложения и сложные словосочетания, в которых среди зависимых от субстантивированного причастия слов обозначен субъект действия в родительном падеже, либо этот субъект содержится в самом субстантивированном причастии, как источнике действия (Сусеева, 1978, 169-170).

3. Предикативность причастия, которое, по А.Бобровникову, изначально является "неокончательной формой" (Бобровников, 1849, 129, 135), за исключением монгольского

языка, проявляется в основном в качестве лексического компонента составного сказуемого, т.е. в аналитической глагольной конструкции. В одиночном употреблении в функции простого сказуемого причастия переходят в разряд изъявительных форм, так как при их помощи выражается "простая констатация факта совершения или несвершения какого-либо действия" (ГБЯ, 1962, 278), т.е. модальность достоверности. Находясь именно в предикативной позиции, причастия наиболее чётко локализируются во времени и приобретают категориальные значения глагола.

Т.А.Бертагаев, анализируя синтаксис простого предложения в современном монгольском языке, указывает на то, что помимо собственно глагола на *-на* в значении будущего времени, к средствам выражения простого сказуемого относятся и глаголы, омонимичные причастиям будущего времени на *-х* и прошедшего времени на *-сан*, которые допускают к себе связку в силу своего родства с ними. От соответствующих причастий такие глаголы отличаются тем, что, сочетаясь с субстанциональными именами и располагаясь в постпозиции к ним, они приобретают все свойства собственно глагола (Бертагаев, 1964, 84, 96-97, 99-100). В калмыцком языке в системе временных форм изъявительного наклонения рассматриваются также омонимичные причастиям формы настоящего времени на *-а/-э* и *-дъг/-дег*, прошедшего *-сън/-сен* и будущего *-хъ/-хе* (Дораева, 1983, 212-214, 222-223, 236-243).

В анализе причастий мы постулируем набор формантов, существующих в современном калмыцком языке и классифицируемых по временному признаку: в трёх временных значениях настоящего: настоящего (*-гчъ/-гче*), многократного (*-дъг/-дег*) и продолжительного (*-а/-э*); прошедшего (*-сън/-сен*) и будущего (*-хъ/-хе*), а также причастие возможности (*-м*) - в рамках настоящего времени и страдательное причастие (*-ата/-этэ*) - в рамках прошедшего времени. При этом исходим из того, что причастие обозначает процесс в виде признака предмета, протекающего во времени, и совмещает в себе свойства глагола и прилагательного.

Адъективные признаки причастий

Свойство прилагательного в причастиях проявляется в том, что они обозначают процесс-признак предмета, ограниченный временем, выраженным в причастных формах: в настоящем (*буудъг будън* - туман, имеющий обыкновение опускаться), в прошедшем (*бусън будън* - опустившийся туман) и в будущем (*буухъ будън* - туман, который опустится). Причастия, подобно прилагательным, сочетаются с определяемым словом способом примыкания, поэтому не изменяются ни по падежам (*кэсен көделмеш* - сделанная работа, *кэсен көделмшин* - сделанной работы, *кэсен көделмеште* - сделанной работе, *кэсен көделмшиге* - сделанную работу, *кэсен көделмшөр* - сделанной работой и т.д.), ни по числам (*кэсен көделмешмүд* - сделанные работы). Оно выступает в синтаксической роли определения и находится в препозиции к имени: *Укхе күн нөкерсег* (Посл.). - Человек, который умрёт, дружелюбен.

Глагольные признаки причастий

Причастия образуются только на базе глаголов (их залоговых и видовых основ). Поэтому они, обозначая процесс, как характеризующий признак предмета, имеют, как правило, общие с ними лексические значения. Так, глагол *умшхъ* - читать обозначает 1) воспринимать написанное, произнося вслух или воспроизводя про себя; 2) произносить, декламировать какой-нибудь текст: *чээжөр шүлег умшхъ* - читать наизусть стихи; 3) произносить с целью поучения, наставления: *номъ умшхъ* - читать молитвы; 4) излагать устно перед аудиторией: *лекце умшхъ* - читать лекцию. Названные значения имеют все возможные формы причастий: 1) *дэгтер умшсън көвүн* - читавший книгу мальчик; 2) *чээжөр умшъгджахъ шүлег* - стихи, читаемые наизусть; 3) *номъ умшдъг өвген* - старик, читающий молитву; 4) *бичкдүдте умшсън дэгтер* - книга, читанная малышам.

Глагольные признаки причастий проявляются в том, что они имеют общие с ним лексико-грамматические свойства переходности и непереходности и морфологические категории - залога, вида и времени.

В причастиях сохраняются значения переходности и непереходности глаголов, от которых они образованы. Так, переходные причастия: *һазър өөртхүлегче күүкен* - сближающая земли (=расстояния) девушка; *эмэлин ольң төөлжөхе салдъс* - солдат, расстёгивающий подпругу - образованы от переходных глаголов: *өөртххе* - приближать, *төөлжөхе* - расстёгивать. К непереходным причастиям относятся: *дээгшән һарсън* - вошедший, *буусън* - опустившийся, *сэрсен* - проснувшийся и т.д., образованные от непереходных глаголов *дээгшән һархъ* - взойти, *буухъ* - опуститься, *сэрхе* - проснуться.

Причастия сохраняют залоговые значения производящих глаголов: *Өвген гэрте оржъ ирве.* - *Гэрте оржъ ирсен өвген* (действительный З.) - "Старик вошёл в дом. - Старик, вошедший в дом". *Туссън сумъндъ дэвлем цоолъгдвь.* - *Туссън сумъндъ цоолъгдсън дэвлем* (страдательный З.) - "Попавшая пуля пробила мой полушубок. - Полушубок, пробитый попавшей пулей". *Күүкен хойър күүге иниг болһна.* - *Хойър күүге иниг болһгчъ күүкен* (побудительный залог) - "Девушка делает двоих друзьями. - Девушка, делающая двоих друзьями". *Доржъ аавдан мал услълцвъ.* - *Аавдан мал услълцсън Доржъ* (совместный З.) - "Дорджи помог деду напоить овец. - Дорджи, помогший деду напоить овец". *Хойър яман мөргелдже.* - *Мөргелдсен хойър яман* (соединительный З.) - "Две козы бодались - Две бодавшиеся козы".

От каждой видовой основы глагола образуются соответствующие причастия: *нэмхе - нэмсен* (нейтральный В.) "добавить - добавленный"; *нэмчкхе - нэмчксен* (законченный В.) "взять да и добавить - взятый да и добавленный"; *нэмес гихе - нэмес гисен* (кратковременный В.) "слегка добавить - слегка добавленный"; *нэмцхөхе - нэмцхөдег* (учащательный В.) "подбавлять - подбавляющий".

Причастия с помощью специальных суффиксов образуют формы трёх времён: настоящего (*йовъгчъ, йовдъг, йова* "ходящий, идущий" в значениях постоянства, многократности и продолжительности), прошедшего (*йовсън* "шедший") и будущего (*йовхъ* "тот, который пойдёт"). Действие причастия возможности (*йовъм* "имеющий возможность ходить") совершается в рамках настоящего времени, а действие причастия страдательного (*тата тэрген* - запряжённая телега) совершено в рамках прошедшего времени.

Причастие сохраняет общие с глаголом синтаксические свойства: модели управления (*Бадмъ көгшен эмгиге манаһур сэләнәсе дахулжъ ирлө* (Б.Б.) - *Бадмин манаһур сэләнәсе дахулжъ ирсен эмген* - "Бадма привел к нам старушку из села. - Старушка, приведённая к нам Бадмой из села" и примыкания (*шулуһар умшна - шулуһар умшдъг* "бегло читает - бегло читающий", *эрте босна - эрте босдъг* "рано встаёт - рано встающий", *мэддег күүнәсе* - у знающего человека, *дуулдъг күүке* - поющую девушку; *кэлхе күүнде* - тому, кто скажет).

Причастия в калмыцком языке входят в состав видо-временных глагольных форм. Сочетание причастных форм с вспомогательными глаголами *бөөхе* - быть, *билө* - был, *болхъ* - стать, с различными частицами: утвердительной *-мън/-мен* (<мөн), отрицательными *-го* (<уга), *-ш* (<биш) "не"; вопросительными *-ий/-й, -в/-вь/-ве*; лично-предикативными *-в, -вдън/-вден, -ч, -т* (соответственно, в значениях: я, мы, ты, вы) входит в сферу их глагольных свойств. Они обозначают само действие, выступают в смысле "кто, что сделал?", в роли окончательного сказуемого и, наряду с глаголом, включаются в схему изъявительного наклонения (Санжеев, 1963, 216): *кэлө бөөнө* - продолжает говорить, *зогсагдсън билө* - были приостановлены, *манърсън болад одвь* - как будто затуманилось, *мартсън угав* - не забыл. *Бичкен хурһъд, ямана ишкес хотхър, зуухъ бәрже наадмън* (К.Э.) - Маленькие ягнята и козлята любят играть в ложбинках. *Нохан амъндъ орсън шаһа бүтен һардмън бише* (Посл.) - Кость, попавшая в пасть собаки, не остаётся целой. *Нанла әдел нәге көвүн әсе төрдегве?* (Ж.) - (Хонгор вопрошал:) разве не родится мальчик подобный мне? *Би эврән чиген хая-хая уульдъв* (Бал.А.) - Я и сама изредка плачу. *Мөрнө сөөге довтължъ мэддег* (Посл.) - Достоинство коня познаётся в скачке.

Таким образом, предикативное употребление причастий, становление видо-временных и модальных конструкций в калмыцком языке привело к стиранию различий между причастиями в сказуемостной функции и индикативами. Н.Поппе заметил, что в ряде монгольских языков предпочтение отдаётся глагольным существительным (причастиям -

Р.Х.) для обозначения финитных форм (Porpe, 1955, 218). В связи с этим в данной работе основное внимание нами уделено анализу непредикативного употребления причастий, т.е. их изначально атрибутивной, а также объектной, субъектной и обстоятельственной функций в случаях их субстантивного применения.

Причастия настоящего времени

В калмыцком языке причастия настоящего времени имеют разнообразные оттенки количественной определенности действия, совершенного в сфере настоящего времени, и образуются при помощи специальных суффиксов от залоговых и видовых глагольных основ: *сарвълзъгчъ* - барахтающийся, *сарвълздъг* - имеющий обыкновение барахтаться, *сарвълза* - продолжающий барахтаться. Все причастия настоящего времени выражают тот же самый процесс, что и глагольные основы, от которых они образованы, т.е. имеют с ними общие лексические и категориальные значения. Но каждая форма лишь конкретизирует процесс-признак предмета с точки зрения не только временной, но и количественной определенности, является средством передачи способов глагольного действия. По своим количественно-временным значениям они дифференцируются как однократное (-гчъ/-гче), многократное (-дъг/-дег) и продолжительное причастие (-а/-ә) настоящего времени.

Все три названные причастные формы настоящего времени общемонгольского происхождения (Орловская, 1958, 115-119). В полном объеме они сохранились лишь в трёх современных монгольских языках: монгольском, бурятском и калмыцком (Санжеев, 1963, 206-215; ГБЯ, 1962, 268-269, 275-276; ГКЯ, 1983, 235-236, 243-247). Однако формы многократного причастия (-*daq/-deg*), за исключением отдельных его остатков в виде субстантивных форм, и продолжительного настоящего (-*ha/-a*) утрачены в других монгольских языках: дагурском, монгорском, дунсянском, баоаньском, могольском, развивавшихся на окраинах или даже вне монгольского языкового ареала и под воздействием других иностранных языков (Санжеев, 1963, 133-134).

Однократное причастие сохранилось исключительно во всех монгольских языках и оказалось столь универсальным, что в отдельных из них стало употребляться в значении утраченных причастий настоящего времени, указанных выше. Нельзя согласиться с Г.Д.Санжеевым и солидарным с ним Ц.-Ж.Цыдыповым, которые, очевидно, по количественной характеристике процесса-признака выделили причастия настоящего времени в группу невременных по значению причастий: многократное причастие - *ябадаг* "ходящий" и однократное причастие - *ябагша* "ходящий" (Санжеев, 1941, 67-68) и позднее дополнительно в неё включено и бурятское постоянное на *-ааша* (Цыдыпов, 1972, 48).

Причастия настоящего времени в монгольских языках содержат в себе количественно-временную характеристику и являются средством передачи отдельных способов глагольного действия. Они обозначают, что процесс (действие или состояние), представленный как характеризующий признак предмета, в силу своих главных значений, т.е. количественной определенности действия, совершается в плане расширенного настоящего времени. Количественной определенностью процесса обусловлена и названная временная приуроченность причастных форм, т.е. их действие совершается в сфере расширенного настоящего времени, в то время как "значение форм расширенного настоящего времени изъяснительного наклонения является окказиональным, зависящим от контекста" (Санжеев, 1963, 211).

Прежде чем перейти к анализу форм причастий настоящего времени, следует внести уточнение в их терминологическое обозначение, которое в большинстве случаев содержит разноречие, отмечаемое исследователями монгольских языков.

Многократное причастие во всех монгольских языках соответствует количественной определенности выражаемого им действия и представляет собой исторически сложившееся единообразное наименование общемонгольской причастной формы на *-dag/-deg* (в соврем. калм. *-дъг/-дег*).

Традиционное название общемонгольской причастной формы на *-qci* (в совр. калм. *-гчъ/-гче*) "причастие настоящего времени или настоящее однократное причастие", зак-

репившееся в русской монголоведной литературе со времён первых грамматик (Шмидт, 1832, 70; Ковалевский, 1835, 105-106; Бобровников, 1849, 136; Котвич, 1902, 109), сохранилось в виде "однократное причастие". По справедливому замечанию Г.Д.Санжеева, это название не является достаточно точным, т.е. не адекватно содержанию данной причастной формы, действие которой совершается "как единый процесс", и в нём совершенно отсутствуют оттенки "однократности": мгновенность, единичность или меньшая протяженность во времени (Санжеев, 1963, 209). Данная форма отличается полисемантизмом, она способна употребляться в отдельных "окраинных" языках в значении утраченных ими общемонгольских причастных форм, о которых упомянуто выше. По А.де Смедту и А.Мостарту, "однократное причастие в монгольском языке по значению соответствует многократному, отсутствующему в этом языке" (Smedt, 1945, 117), а в монгольском, дунсянском и баоанском языках "однократное причастие является именно причастием настоящего времени и употребляется в значении отсутствующего в названных языках общемонгольского причастия на *-ha/-a*" (Тодаева, 1967, 82, 119-120).

Таким образом, исходя из временной и количественной определённости процесса-признака, совершаемого в пределах расширенного настоящего времени, принимаем для данной причастной формы в калмыцком языке название "настоящее причастие", аналогичное данному ей в своё время А.Поповым названию "причастие настоящего времени" (Попов, 1847, 136). Действие настоящего причастия представляется обычным, свойственным какому-нибудь предмету в течение известного времени, в плане настоящего.

Общемонгольская форма причастия на *-ha/-a* (в совр. калм. *-a/-ə*) А.Бобровниковым названа "причастием прошедшего неоконченного" (Бобровников, 1849, 246), в бурятском - "настояще-прошедшим временем" (ГБЯ, 1962, 263; Цыдыпов 1972, 48), а в "Глаголе" Г.Д.Санжеева - "настоящим причастием" (Санжеев, 1963, 212), в калмыцком языке Б.Б.Бадмаевым она названа "причастием со значением продолжительного действия" (Бадмаев, 1964, 91). Эта форма по присущей ей временной и количественной определённости может быть названа "продолжительным причастием" настоящего времени. Таким образом, в рамках настоящего времени анализируются настоящее причастие (*-гчъ/-гче*, их алломорф *-гч* в субстантивных словоформах), настоящее многократное причастие (*-дъг/-дег*, их алломорфы *-д/-дъ/-де* в субстантивных словоформах), настоящее продолжительное причастие (*-a/-ə*) и причастие возможности (*-м*).

Настоящее причастие

Настоящее причастие является общемонгольской формой. В современном калмыцком языке оно образуется от залоговых и видовых основ глагола при помощи суффикса *-гчъ/-гче*: *йилнегче жил* - определяющий год от *йилнхе* - определять, *ахльгчъ кун* - начальствующий человек от *ахльхъ* - начальствовать, *эрвелзегче тэвэг* - развевающаяся грива от *эрвелзхе* - развеваться, *йовьгчъ өвген* - идущий старик от *йовхъ* - идти. В отличие от действия многократного причастия оно "совершается как единый процесс, не распадающийся на ряд акций" (Санжеев, 1963, 209). Обозначение же суффиксом настоящего причастия *-гчъ/-гче* постоянного процесса-признака предмета наглядно прослеживается в сопоставлении с омонимичным суффиксом прилагательных *-гчъ/-гче* для образования качественных прилагательных, называющих самок животных по их масти: *улагчъ үкер* - красная корова от *улан* - красный, *борьгчъ гун* - серая кобылица от *борь* - серый (ГКЯ, 133-139). При опущении же определяемых слов происходит их субстантивация: *улагчъ* - краснуха, *борьгчъ* - серко и др.

Некоторые исследователи отрицают глагольность настоящего причастия, считая его преимущественно "отглагольным именем деятеля". Однако значение настоящего причастия в монгольских языках, в том числе и в калмыцком, значительно шире. Настоящее причастие обозначает обычное непрерывное действие, представляемое как характеризующий признак предмета, и совершается в плане расширенного настоящего времени. По замечанию Г.Д.Санжеева, это причастие в большей степени, чем многократное причастие, выражает действие расширенного настоящего времени. Это обусловлено его основными значениями, т.е. временной и количественной определёностью действия, в кото-

ром полностью отсутствует значение однократности, единичности или мгновенности.

По своему значению и употреблению настоящее причастие близко многократному причастию и продолжительному причастию настоящего времени. Его полисемантизм выражается в возможности замены в отдельных "окраинных" монгольских языках утраченных ими других причастий настоящего времени, форм на *-daq/-deq* и *-ha/-a*.

В калмыцком языке настоящее причастие используется преимущественно в роли определения: *Сарвълзгчь дөрвөн мөчинь сөөр дээрень тээглеже* (Ж.) - Стянул барахтающиеся его четыре конечности и крепко связал на крупе. *Онһълзгчь бөөрөрень нөрхен цаһан шилврөр найһн хойр гүвдөд унһавь* (Ж.) - Восемьдесят два раза ударил он его по образующейся почечной впадине белым тонким кнутом и повалил. В данных примерах настоящие причастия *сарвълзгчь* и *онһълзгчь* употреблены в атрибутивной позиции. Они характеризуют присущие свойства определяемых ими предметов (*дөрвөн мөчинь* - четыре его конечности и *бөөрөрень* - по его почечной впадине), с точки зрения действия, обозначенного в производящей основе глаголов *сарвълзхь* - барахтаться и *онһълзхь* - впадать, вваливаться.

Как и в других монгольских языках, настоящее причастие в определённых случаях подвергается субстантивации, утрачивая глагольные и собственно причастные свойства, такие, как выражать процесс (действие или состояние) и управлять падежами, переходит в разряд существительных со значением имени деятеля или режы предмета: *нүүрлегче*, *түрүлгче* - передовик, *үүдэгче* - творец, *зэнглегче* - вестник, *чанһагчь* - усилитель, *ирегче* - будущее. Эти субстантивы способны принимать показатель множественного числа: *сэл-вегчнер* - советники, *чанһагчмуд* - усилители и т.д.

Нередки явления, когда подобные субстантивированные формы соотносительны с формами имён существительных: *дахьгчь* = *дахачь* - последователь, *мэдегче* = *мэдэче* - знаток, *эзлегче* = *эзлэче* - владыка, *зуралгчь* = *зурагчь* - плановик и др. Но в целом тенденция настоящего причастия к лексической субстантивации со значением действующего лица или предмета в калмыцком языке несколько ограничена, нежели в монгольском языке, так как для названия отглагольных имён деятеля по его действию или характерному занятию, занимаемой должности существует продуктивный словообразовательный суффикс имён существительных *-ачь/-эче/-чь/-че*: *сурһьмжлачь* - воспитатель от *сурһьмжлхь* - воспитывать, *цутхачь* - литейщик от *цутххь* - лить, отливать, *ахлачь* - глава от *ахлхь* - главенствовать, возглавлять.

Субстантивы от настоящего причастия способны выступать в синтаксической роли имени существительного:

а) подлежащего, принимая лично-притяжательные частицы: *Танась мини сурьгчьм - нэге цөөкен мөнгнө көлсен* (О.У.) - Моя просьба к вам (= просимое мной) - работа за небольшую оплату. *Эсе мэдегчень, маһдльгчнь дала* (Д.Б.) - Непонятного и сомнительного для них много;

б) в качестве дополнения встречается крайне редко: *Хальмыг Танһьчин күче-көлсчнер жирһелтэ ирегчүр зүткже йовна* (Х.ү.) - Трудящиеся Республики Калмыкия стремятся к счастливому будущему. *Алдър нойһн богддан мэдүлгчем эркен арвһн нөөмен насындан би һанць кэвөр юнгад бөөдегве?* (Ж.) - То, что я хотел довести славному богдо: почему я в свои восемнадцать лет одинок?

В калмыцком языке употребление настоящего причастия в роли объекта является весьма редким. В значительно большей степени, чем субстантивация, наблюдается процесс адъективации настоящего причастия. Она возникает в результате утраты данной формой временной определённости действия, а также других глагольных признаков: *һолльгчь төре* - основная работа, *һолльгчь чинер* - главное значение, *харсьгчь мэхө* - оборонительный рубеж, *хөөгче экспедиц* - поисковая, разведывательная экспедиция, *дахьгчь цаасһн* - сопроводительная бумага, *зальгчь күчен* - направляющая сила. *Школмудть ирсен оютһриге багшһрин нүүрлегче дамшълтта танилдулвь* (Х.ү.) - Студентов, посетивших школы, ознакомили с передовым опытом учителей. Но явление адъективации настоящего постоянного преимущественно не выводит их за пределы причастий, так как в речи

продолжают существовать соотносительные формы настоящего причастия с залоговым, видовым и временным значениями: *хəөгчe күн* - ищущий, разыскивающий человек, *дахьгчь өмтен* - сопровождающие люди, *дахьгчь эде-тавьр* - сопутствующие товары и др.

Множественное причастие

Изначально общемонгольская форма причастия на *-daq/-deq* утрачена в "окраинных" монгольских языках и сохранилась в современных: монгольском, бурятском и калмыцком. Г.Д.Санжеев отмечает их почти совершенно одинаковое употребление в указанных языках. В составе форм причастий настоящего времени множественное причастие противопоставляется по своей количественной характеристике как "ряд последовательных акций одного и того же действия" (Санжеев, 1963, 206).

В калмыцком языке множественное причастие образуется от залоговых и видовых основ глагола при помощи суффикса *-дыг/-дег* (его алломорфы *-дг/-дгь/-дге* - в субстантивных формах; *-д/-дь/-де* - в формах настоящего времени изъявительного наклонения) и обозначает, что действие, представленное как характеризующее обычное постоянное свойство предмета, совершается в течение одного и того же времени периодически: *йовулдыг* - заставляющий идти, заставляющий обычно ходить от *йовхь* - ходить; *нисдег* - летающий, имеющий обыкновение летать от *нисхе* - летать; *тоолдыг* - считающий, думающий, имеющий обыкновение считать, думать от *тоолхь* - считать, думать; *суулһдыг* - сажающий, имеющий обыкновение садить, заставляющий сидеть от *суулһхь* - сажать, заставлять сидеть. Таким образом, по временной и количественной определённости множественное причастие относится к сфере расширенного настоящего времени.

Преобладающая часть множественного причастия употребляется в определительной функции: *Далһн күн дамжълдыг далһа шарь шаазьнгар далһн нэге дарад орквь* (Ж.) - Из широкой чаши, которую поднимают семьдесят человек, выпил подряд семьдесят один раз. *Сэдклинь мэддег өөрхен иньгень - тээгин альвэн салькын, уудыг ундьнь - эврәнен бүлән харь нулимсын* (Б.Б.) - Понимающий её душу близкий друг - шаловливый степной ветерок, утоляющие её жажду - собственные горячие слёзы. *Кэлсән күцөдег авьяста улс мана тээгте ольн бәәнә* (К.С.) - В нашей обширной степи много людей, у которых слово не расходится с делом (= людей, выполняющих своё сказанное)

Подвергаясь субстантивации, множественное причастие приобретает значение объекта действия и значительно реже субъекта: *сэгсердег* - галушки от *сэгсерхе* - трясти, *татдыг* - выдвижной ящик от *татхь* - вытягивать, тянуть; *искдег* - дрожжи от *искхе* - заквасить, *таньдыг* - знакомый от *таньхь* - знакомиться, узнать, *зальдыг* - перен. пьяница от *зальхь* - глотать. Несмотря на то, что подобные субстантивы соотносительны с формами множественного причастия, они отличаются друг от друга лексико-грамматическим значением, парадигмой и дистрибуцией (Санжеев, 1940, 180). Они употребляются как имена существительные: изменяются по падежам и числам, выступают в его синтаксических функциях (*боодыг* - пруд, *боодгин* - пруда, *боодыгть* - в пруду, *боодгиге* - пруд, *боодгар* - прудом и т.д.; множ.ч. *боодгуд* - пруды).

Адъективированные формы множественного причастия переходят в разряд сложных субстантивов: *амьрдыг өдер* - день отдыха, день для отдыха; *унтдыг өрө* - комната для сна, спальня; *мал өскдег совхоз* - откормочный совхоз, откормсовхоз; *нүрздег* (<нүр үздег) - зеркало.

Субстантивные формы множественного причастия способны выступать в форме простого или развёрнутого подлежащего, принимая лично-притяжательные частицы, либо без них: *Зүн бийень ахьлдгьнь Төвшүн Ширкгин ачь гинө* (Ж.) - Возглавляющий их слева - говорят, внук Товшун Ширкига. *Мини көлсенде чини өгдгень нэгхен үкрин үсен бишев* (М.Н.) - Твоя плата за мой труд - это ведь молоко лишь одной коровы. *Би тандь ирдгем, Санжь, нэге көлгнө көшүр танась суржь йовлав* (М.Н.) - Санджи, я пришёл к вам (= мой приход к вам), чтобы попросить ось одной телеги. *Кишго күн, хөрень Ларлу багшь Бадмь хойьрла күүндегчен ике биләл* (Д.Б.) - Ах, ты, нечестивый, то-то твои разговоры с Ларлу и учителем Бадмой были столь частыми.

В качестве дополнения множественное причастие выступает и с частицами возвратно-

го (безличного притяжания) и без них: *Му дөөсен таньдэгтан баатър* (Посл.) - Плохой воин над своими знакомыми "богатырь". *Залхуһин гэрте түлән уга, зальгдгин гэрте хоть уга* (Посл.) - В доме лентяя нет топлива, а в доме обжоры нет еды. *Көделмишэн сөөнөр кэдгәрен, олна кэрегте орълцгарьн эне йир сөн хөөче, энуге мана даалһвэртъ өгтхэ гижэ биден танасъ суржанавдън* (Н.М.) - Он по своему хорошему отношению к труду, участию в общественной работе очень хороший чабан, мы просим вас отдать нам его на поруки. *Та дала туули мэднэт, эврәнэн мэддгәсен мадъндъ нэге туули кэлже өгтен* (Э.К.) - Вы знаете множество сказок, из хорошо известных вам расскажите нам одну сказку.

Продолжительное причастие

Общемонгольская причастная форма на *-һа/-а* впервые была выделена и названа особой формой причастия Я.Шмидтом, настойчиво утверждавшим, что она употребляется только в сочетании с отрицанием *иқеi* и, кроме этого, нигде в речи не встречается (Шмидт, 1832, 94). Впоследствии это мнение было поддержано А.Рудневым и дополнено тем, что в бурятском языке "эта форма - чуть ли не единственная для выражения прошедшего времени и употребляется как сказуемое главного предложения" (Руднев, 1911, 222). Г.Д.Санжеевым, напротив, отмечено в современном бурятском языке три причастия прошедшего времени на *-аа*, *-һан* и *-һхай* (ГБЯ; 1962, 268-271).

Авторы других ранних и последующих грамматик и научных трудов по монгольским языкам не столь категоричны в вопросе о наличии данной причастной формы только в связи с отрицаниями *едui* - ещё не, *иқеi* - не, когда она обозначает, что действие ещё не совершилось, но должно совершиться. Значит, они не исключают возможность употребления данной причастной формы и без отрицания.

Определение значения данной причастной формы сводилось к тому, что она ("прошедшее неоконченное", по А.Бобровникову) обозначает, что действие наступило и продолжается в момент, когда о нем идёт речь, а следующее действие происходит одновременно с продолжающимся действием причастия (Попов, 1847, 165; Бобровников, 1849, 246; Орловская, 1958, 118). Большинство исследователей отмечает, что данная форма распространена крайне ограниченно в тех языках, в которых сохранилась (в халхаском, чаще в бурятском и южномонгольском диалектах, а также иногда в калмыцком языке). Она утрачена в отдельных "окраинных" монгольских языках (монгорском, дунсянском и баоаньском) и заменяется формой однократного причастия, и совершенно отсутствует в остальных из них. В калмыцком языке нами принят термин - настоящее продолжительное причастие.

Продолжительное причастие в современном калмыцком языке образуется от залоговых и видовых основ при помощи суффикса *-а/-ә* и обозначает начавшееся прежде и продолжающееся в момент речи действие, представленное как характеризующий признак предмета: *кэлә кун* - человек, продолжающий говорить от *кэлхе* - говорить; *көдлө салькын* - ветер, продолжающий дуть от *көделхе* - дуть (о ветре). *Үзә нүден, сонса чикен* - Глаза, продолжающие видеть, уши, продолжающие слышать. *Тэрзин өмне урһа модьн... өдер ирвәсе улъм-улъм көкрөд, өсөд, чанһрад йовна* (Т.Б.) - Дерево, растущее перед окном, с каждым днём всё больше зеленеет, растёт, набирается сил.

Это единственная причастная форма в калмыцком языке, которая не подвергается изменению, не присоединяет к себе притяжательных частиц, т.е. никак не субстантивируется и, значит, не употребляется в субъектной и объектной позиции, а выступает в атрибутивной и предикативной позиции, как в монгольском языке. В бурятском языке, как отмечает Г.Д.Санжеев, данная форма довольно часто употребляется в объектно-обстоятельственной функции (Санжеев, 1963, 213). Он уточняет, что форма настоящего прошедшего времени на *-аа* выражает собой действие, совершившееся до момента речи или непосредственно до момента речи, если оно употреблено без какой-либо связки прошедшего времени, а при наличии последней обозначает действие, совершившееся задолго до момента речи или до времени совершения того, о чём идет речь в данном повествовании: *Моридоо Табхаев Шэтэ оруулхань гэжэ Нима дуула һан* (Ж.Тум.Тала, 151) - Нима слышал, что Табхаев собирается отправить лошадей в Читу (ГБЯ, 1962, 263).

Значение особенной продолжительности действия-признака предмета данной причастной форме, употребляемой в атрибутивной и предикативной роли, придаёт утвердительная частица -л: *кэлэл күн* - человек (всегда говоривший и продолжающий говорить). *Бадмь күүкдинен тускар кэлэл* - Бадма продолжает говорить о своих детях.

Выступая в форме сказуемого (простого и сложного) главного предложения со связкой и без неё, продолжительное причастие теряет адъективные признаки и приобретает, как и другие причастные формы, модальный оттенок констатации достоверного действия и обозначает продолжительное действие настоящего времени изъявительного наклонения, в отличие от бурятского языка, в котором употребляется для выражения прошедшего времени (Руднев, 1913-1914; ГБЯ, 1962).

К существенным различиям относится то, что вместо отрицательной формы продолжительного причастия, употребляемого в монгольском и бурятском языках, в калмыцком языке употребляется разделительное деепричастие с отрицанием: *кэлэд уга* - не сказанное = не говорил; *ирэд уга* - не пришедший = не пришёл; *үзэд уга* - не видевший = не видел. Эта форма выражает действие, которое ещё не совершилось, но, очевидно, как ожидаемое действие, должно произойти в будущем. Таким образом, в значении и дистрибуции формы продолжительного причастия в названных языках наблюдаются заметные различия.

Анализ значений всех трёх причастных форм настоящего времени показывает, что каждая из них выражает действие расширенного настоящего времени в силу своего основного и главного значения, т.е. временной и количественной определённости. Внутри своего ряда они противопоставляются друг другу по тому, что настоящее причастие обозначает признак предмета как "единый процесс", многократное причастие - обычный постоянный признак предмета, несмотря на то, что процесс распадается на "ряд акций", т.е. повторяющееся одно и то же действие, а продолжительное причастие обозначает признак предмета как процесс, начавшийся прежде и продолжающийся в момент речи или повествования. Существенное отличие расширенного настоящего времени причастия от расширенного настоящего времени изъявительного наклонения - временная определённость этих причастных форм как расширенного настоящего времени, заложенная в них самих, благодаря количественной определённости, а значение расширенного настоящего для формы изъявительного наклонения на *-на/-нэ* является окказиональным, целиком зависящим от контекста.

Причастие прошедшего времени

По происхождению своему исконно монгольские и самые древние формы причастия на *-qsan/-qsen* - для единственного числа и *-qsat/-qset* - для множественного числа (Ramstedt, 1903, 88) у большинства исследователей получили название причастия прошедшего времени, за исключением наименований А.Бобровникова "причастия прошедшие оконченные" (Бобровников, 1849, 136-139) и М.Н.Орловской "причастие прошедшее совершенное" (Орловская, 1958, 119). Причастие это имеется во всех монгольских языках и диалектах и отличается сходством значений и употреблений в них. Г.Д.Санжеев отмечает, что оно в гораздо большей степени, нежели остальные причастия этих языков, сохраняет и выявляет исконную природу причастий вообще, а поэтому оно в некоторых отношениях нуждается и в более подробном рассмотрении (Санжеев, 1963, 215).

Причастие прошедшего времени в калмыцком языке образуется от всех залоговых и видовых основ глагола при помощи суффикса *-сьн/-сен* (его алломорфы *-сн/-с/-сь/-се*) и обозначает, что процесс (действие или состояние), представленный как характеризующий признак предмета, совершился полностью в прошлом, до момента речи или до наступления другого действия, выраженного либо основным глаголом, либо его сочетанием с вспомогательным глаголом и связками: *сонссьн* - слышавший и услышанный от *сонсхь* - слушать, слышать; *сонсхасьн* - провозглашённый, объявленный от *сонсхяхь* - провозгласить, объявить; *сонсцхасьн* - слышавшие не раз от *сонсцхяхь* - слышать не раз; *бәрсен* - державший от *бәрхе* - держать; *бәрчксен* - схвативший, поймавший от *бәрчкхе* - схватить, поймать, *бәрегдсен* - взятый, пойманный от *бәрегдхе* - быть взятым, быть пой-

манным; *бәрегдечксен* - схваченный, пойманный от *бәрегдечкхе* - быть схваченным, быть пойманным; *бәрүлсен* - позволивший, заставивший держать от *бәрүлхе* - позволить, заставить держать; *бәрелцсен* - помогавший держать от *бәрелцхе* - помочь держать, поймав; *бәрелдсен* - схватившиеся друг за друга от *бәрелдхе* - хвататься друг за друга.

Данные калмыцкого эпоса подтверждают, что наиболее часто причастия прошедшего времени употребляются в роли определения и сказуемого (Тодаева, 1976, 161). Выступая в позиции определения (обычного, либо развёрнутого, т.е. причастного оборота), причастия определяют предметы с точки зрения процесса, совершенного в прошлом: *Сүргәсе салсын гөрәсен әәмтхә гидег әсе билү* (Ж.) - Разве не говорят, что труслив сайгак, отбившийся от стада. *Арһта Хонһрин арь бийдень шигдсен тавын минһен жидин үзүр бась хуһрад үлдве* (Ж.) - Наконечники пяти тысяч копий, вонзившихся в тело Хонгора, остались позади. *Халад хәәкерсен дуундь шиле һәрде бәәшен дәәвләд одвь* (Ж.) - От его возбуждённого голоса задрожал дворец из стекла и золота. *Бийән әсе асьржь чадсын күн кү асьржь чадьшго* (О.У.) - Человек, не способный заботиться о себе (= не заботившийся о себе), не сможет заботиться о других. В приведённых примерах действие причастия прошедшего времени совершено самим определяемым предметом: *салсын гөрәсен* - отбившийся сайгак, *шигдсен жидин үзүр* - вонзившиеся наконечники копий, *хәәкерсен дуундь* - от возбуждённого голоса, *әсе асьржь чадсын күн* - человек, не заботившийся о себе.

Вместе с тем, если причастие прошедшего времени образовано от глагольной основы побудительного залога, процесс-признак может быть совершён в прошлом не самим определяемым предметом, а другим лицом или предметом: *Дәл мөнгәр кээрүлсен дәлтринь төвве, дэгце зурһан давхър тохминь төвве* (Ж.) - Сперва положили подпотник, украшенный серебром, затем положили шестислойный потник. *Әврә бийем хан болад бәәве чиген, хәрин дәәсенде халһсын, хамьг һазьрть алдършьгсын арвьн хойьр бодьнгасьм сурут* (Ж.) - Хотя сам являюсь ханом, прошу выслушать моих двенадцать богатырей, закалённых в боях с врагами и прославленных во всех землях. В этих примерах причастия прошедшего времени определяют предметы с точки зрения действия, совершенного в прошлом не ими самими, а другими лицами: *кээрүлсен дәлтринь* - (кем-то) украшенный серебром подпотник, *хәрин дәәсенде халһсын арвьн хойьр бодьнгасьм* - у закалённых врагами двенадцати моих богатырей.

Аналогичное явление, когда действие причастия совершено в прошлом не самим определяемым предметом, а другим лицом, т.е. выражает значение страдательности, наблюдается в алтайских и других (например, в японском - Конрад, 1937, 200) языках. В калмыцком языке причастные определения прошедшего времени (*умшсын дэгтер* - прочитанная книга, *идсен махьн* - съеденное мясо, *усьлсын мал* - напоенный скот и др.), а также страдательные причастия на *-ата/-этә* в форме действительного залога, выражают такое значение, когда определяемый предмет (=объект) подвергается действию другого лица (субъекта в форме родительного падежа): (*күүкнә*) *умшсын дэгтер* - девушкой прочитанная книга, *чонын идсен махьн* - волком съеденное мясо, *эцкин кәсен көделмеш* - сделанная отцом работа, *Бадмин хаһьлчксын һазьр* - вспаханная Бадмой земля, *көвүнә соңссын зәнге* - услышанное юношей известие; (*Бадмин*) *дәлгүдень хаһьлчксын һазьр ике холась күриже, күүнә нүднә бахьмжь болжь үзегднә* (О.У.) - Сплошь вспаханная (Бадмой) земля темнеет вдали и радуется глаз. *Асхьндьнь соңссын сонин зәнге көвүнә толһаһась холдь одьлго бәәве* (Э.К.) - Интересное известие, услышанное вечером, не выходило из головы мальчика.

Временные значения причастий прошедшего времени, функционирующих в атрибутивной позиции, связаны с обозначением не только абсолютного, но и относительного времени. Действие абсолютного прошедшего времени выражается: 1) во взятом вне контекста сочетании определяемого имени с причастным определением: *гүүсен мөрен* - бежавшая лошадь, *йовсын күн* - шедший человек, *увелзсен мал* - зимовавший скот, *кәсен көделмеш* - выполненная работа; 2) при оформлении основного глагола в предложении формами прошедшего времени, либо настоящего времени (со значением расширенного настоящего времени) изъявительного наклонения: *Сарин гәрелде үсень, һарьнь сарсасын*

күүкед күн Бадьмдь шулмь болжь мэдегдвэ (О.У.) - Женщина с торчащими волосами и растопыренными пальцами при лунном свете показала Бадме ведьмой. Аавин кэлсен туулясь кэсгень тодължь авлав (П.Д.) - Из сказок, рассказанных дедом, многое я запомнил. Авгин сурсьн авьясь әмен хартьл мартьгдшго. - Прежде усвоенные привычки не забываются до последнего дыхания.

Однако в контексте причастные определения могут выражать и относительное время, устанавливаемое на основании временного значения глагольного сказуемого: Эндәсе йовсьн кү дахулад, көвүге нан таль илгәчктен (К.А.) - Мальчика отправьте ко мне с человеком, который поедет сюда. В этом предложении временное значение будущего времени глагола-сказуемого повелительного наклонения илгәчктен - отправьте относит характеризующий признак причастия прошедшего времени йовсьн - пошедший в план будущего (человека, который поедет). А в предложении Дордь үзгәсень көделсен чанһь салькьндь нигте көке хулсьн нәәхелнә (М.Н.) - От сильного ветра, дувшего с востока, колышется густой камыш. Действие глагола-сказуемого нәәхелнә - колышется наблюдается в момент речи и относит характеризующий признак причастия прошедшего времени үләсен - дувшего в план настоящего времени.

Причастия прошедшего времени активно подвергаются субстантивации, получают падежное оформление и выступают в функции имён существительных, но в случае глагольной субстантивации сохраняют ярко выраженную глагольность, которая проявляется в наличии при них зависимых слов и сохранении общих с глаголом синтаксических свойств: модели управления и примыкания: Чонь эндер туулала харһжь ирсендән бийән ике хөвтәде тоолжь байрльвь (Х.Т.) - Волк обрадовался своему счастью, что сегодня встретился (=встрече) с зайцем.

Особенностью глагольной субстантивации всех причастий, в том числе и причастий прошедшего времени, является то, что в синтаксической роли существительного выступает не одно причастие, а вся его группа в целом, которая представляет собой причастный оборот, выраженный развёрнутым членом предложения: развёрнутое подлежащее, дополнение, обстоятельство - образа действия, причины, цели, места и т.д. При окказиональной субстантивации падежные формы не имеют при себе зависимых слов, они больше тяготеют к имени существительному, приобретая категории падежа и числа: Эдегсенде эмче кэрегго, һатьльсьндь онһць кэрегго (Посл.) - Выздоровевшему не нужен доктор, переправившемуся не нужна лодка. Субстантивированные причастия при этом обозначают лицо по какому-либо признаку, например: эдегсенде - выздоровевшему, һатьльсьндь - переправившемуся, либо "опредмечивают процесс-признак" (действие, либо состояние): харһжь ирсендән байрльвь - обрадовался тому, что встретился (= своей встрече).

Причастие прошедшего времени в форме именительного падежа, обозначая действие, совершённое каким-либо лицом, либо само действие, выступает в предложении подлежащим и нередко сопровождается лично-притяжательными частицами: Дөтелсен дөрвө хондъг (Посл.) - Прямо идущий четыре дня потеряет. Һазьрть кииссен һазьр түшже босдъг (Посл.) - Упавший на землю встает, опираясь на неё. Мана бригадтан күүндсемден йир сонин болжь мэдегдвә (И.Л.) - То, о чём мы беседовали (= наша беседа) в своей бригаде, показалось очень интересным. Одакь ирже йовсьнтгьн дунь бөөже (Б.Б.) - Тот, кто шёл сюда, оказался её младшим братом.

Прошедшее причастие в форме родительного падежа употребляется в сочетании с послелогом хөөне, ардь - после и вместе с зависимыми словами образует причастный оборот, выраженный развёрнутым обстоятельством времени: Дәәнәсе ирснә хөөне өвген хө хәрүлдег болвь (И.У.) - После возвращения с фронта старик стал пасти овец. Бичкен үүрән хәрже одсна ардь би санвьв (Б.Ал.) - Я задумался после ухода своего маленького друга домой. Олна хуръг чилснә хөөне колхозникүд һурвад-дөрвөдәр цуглард, шине ши-идврин тускар күүндцхәвө (М.Н.) - После окончания общего собрания колхозники собрались по трое-четверо и стали обсуждать новое решение. А с послелогом тускъ, тускар - о, про обозначает предмет речи и выступает в качестве косвенного дополнения: Тииме мэктә арать ирснә тускар ольн туули хальмьг фольклорть бөөнә (О.Б.) - В фольклоре много сказок о том, как приходит хитрая лиса (= о приходе лисы).

Причастие прошедшего времени в форме винительного падежа с частицами притяжания и без них выполняет функцию прямого дополнения и обозначает действие, происходившее в прошлом: *Чикнэ сонссиге нүден үздег* (Посл.) - Что уши услышат (= услышанное ушами), то глаза увидят. *Сэн күн үзсен-сонссан, мунхыг күн идсен-уусан кэлдмен* (Посл.) - Умный рассказывает о том, что видел и слышал (= об увиденном и услышанном), а глупый - о том, что ел и пил (= о съеденном и выпитом). *Тадна кэлситен эден дарандьнь цугтнь бичже авчана* (И.Л.) - Излагаемое вами они полностью записывают.

В дательном-местном падеже субстантивная форма причастия прошедшего времени обозначает: а) причину действия - *Холь хаалһдан идхе хотан көвүн эрте чилэсендөн хундад йовна* (Б.Б.) - Юноша огорчён, потому что раньше времени закончилась еда, которую он должен был есть в продолжение длинного пути; б) лица, в пользу которого совершается действие - *Даарсьндь һал түле, өлссенде хоть кэ* (Посл.) - Для озябшего разведи огонь, для проголодавшегося приготовь пищу; в) цель действия - *Сонсхды мэнде бахта, идхде өөкен бахта* (Посл.) - Чтобы слушать (= для слуха), приветствие желанно, а чтобы есть (= для еды), сало приятно

В форме орудного падежа причастие прошедшего времени указывает на причину совершенного действия: *Дуудулсар көвүд военкоматур ирже йовцхана* (О.У.) - Так как вызвали (= по вызову), юноши идут в военкомат. *Орьс талмыш мэдсэрен күүкен тэденлэ талть-мулть мэдэлцэд күүндэд бөөве* (О.У.) - В меру своего владения русским языком, девушка кое-как обменивалась с ними, разговаривала. *Адучь көвүн чаһь болсар мөрнөсе унсьн уга* (К.А.) - Так как оказался крепким, табунщик не упал с лошади.

Из ряда форм причастий прошедшего времени в орудном падеже выделяются случаи, когда данные формы, утратив свойства субстантива, обозначают длительно протекавшее действие, в продолжение которого совершается действие предикативного глагола. На базе соотносительности действия данной формы прошедшего времени в орудном падеже с действием глагола формируется образование продолжительного деепричастия (Бобровников, 1849, 262): *Хавьр эрте ирсэрэ, тэг дэлгүдэн көкерже одвь* (К.А.) - С тех пор, как наступила ранняя весна, степь сплошь зазеленела. Продолжительное деепричастие отличается от субстантивной формы причастия прошедшего времени в орудном падеже тем, что не присоединяет к себе частиц притяжания. Значение продолжительного деепричастия передаётся в бытующих и ныне говорах калмыцкого языка. Например, в форме *-сара/-сэрэ* в дербетском: *Мана ике көвүнөсе дөөнде одсара зөнгө уга бөөве* - От нашего старшего сына с момента ухода на войну не было известий (Кичиков, 1963, 73) и *-хара/-хэрэ* в торгутском: *Сахльм намагь хөрөн тавтадьм урһла, үсем төрхэрэ бөөһө* (Х.т.) - Усы мои выросли, когда мне было двадцать пять лет, а волосы - с того момента, как родился (=с момента рождения).

Субстантивное употребление причастия прошедшего времени в исходном падеже с послелогом *нааран* - с обозначает время, с которого началось действие предикативного глагола: *Дэн чилснөсе нааран ветеран малдь көдлэ* (О.У.) - Со времени окончания войны ветеран продолжает трудиться в животноводстве. *Хан таниге йовснась нааран эрүл бөөнө* (Х.т.) - После вашего отъезда хан находится в здравии.

Значение места действия передаётся также сочетанием причастия прошедшего времени в форме именительного падежа с послелогом *талась* (= застывшей в исходном падеже форме *талъ*): *Бууһин хундгар дайльсьн талась салдсьмуд һарад гүүһэд бөөцхэнэ* (Н.М.) - Солдаты выбегают с места, где взмахнули прикладом ружья. *Үүлен һарсьн талась хурь эжелже орна* (Посл.) - Дождь начинает идти с места появления туч.

Употребление причастия прошедшего времени в форме направительного падежа при глаголах движения обозначает объект или место действия, к которому направлено действие предикативного глагола: *Хөөһэд йова йовжь, өмне өдертенъ тэмдеглеснүрен анһучньр күрэд ирцхөве* (Д.Б.) - После долгих поисков охотники пришли к отметке, сделанной в предыдущий день. Значение направленности действия передаётся также сочетанием причастия прошедшего времени с послелогом *талъ* - к, равным по значению с формой направительного падежа: *Шамин һал үзэгдсен талъ* (=үзэгдснүр) *төөрсен көвүд һарад йовцхавь* (Д.Б.) - Заблудившиеся юноши направились к увиденному свету лампы.

Таким образом, выше рассмотрены наиболее продуктивные формы субстантивного употребления причастий прошедшего времени.

Причастия будущего времени

Исследователями монгольских языков была отмечена обшемонгольская причастная форма будущего времени с суффиксом *-qu/-ku*. Наряду с ней в древнейших памятниках употреблялись и её разновидности: формы *-qui/-kui* и множественного числа *-qip/-kup*, отсутствующие в современных монгольских языках (Орловская, 1958, 101).

Причастие будущего времени в современном калмыцком языке образуется от залоговых и видовых основ глагола при помощи суффикса *-хь/-хе* и обозначает, что процесс (действие или состояние), представленный как характеризующий признак предмета, совершится в будущем, после момента речи: *батълхь тогтавьр* - постановление, которое будет утверждено; *мордхь күүкен* - девушка, которой предстоит выйти замуж; *диилхе бөке* - борец, который победит; *унхь шүден* - зуб, который выпадет.

Форма причастия будущего времени является грамматической омонимией двух форм глагола. Во-первых, инфинитива - глагола на *-хь/-хе* в значении абстрактного действия, существование которого традиционно отрицалось в монголоведении (ГБЯ, 1962; Санжеев, 1963; Касьяненко, 1968, 13). Другие монголисты инфинитивом считают форму, совпадающую с формой 2 л., ед. ч., повелительного наклонения (Дарбеева, 1985, 73), а третьи - форму на *-х* (Попов, Рамстедт, Бертагаев, Цэдэндамба, Харчевникова). Данная форма, обозначающая "действие без всякого ограничения времени, числа и действующих лиц" была названа А.Поповым формой "неопределённого или неокончательного наклонения" (Попов, 1847, 134). Т.А.Бертагаев, поддержавший мнение Г.Рамстедта (1903), писал: "Инфинитив как особая глагольная форма, несомненно, имеется в монгольских языках. Это начальная, исходная глагольная форма, лишённая значения времени, наклонения, лица и числа. Инфинитив - это не причастие, с которым он совпадает по форме" (Бертагаев, 1961, 18; 1963, 41), ему присущи только категории залога и вида, в предложении функционирует в роли сказуемого и обозначает действие неопределённого времени (Цэдэндамба, 1974, 224-225). Благодаря своей минимальной грамматической нагруженности инфинитив используется как словарная (исходная) форма глагола: *батълхь* - утверждать, закреплять; *мордхь* - выходить замуж, отправляться в путь; *диилхе* - победить, *унхь* - падать, выпадать и т.д.

Во-вторых, форма причастия будущего времени является грамматическим омонимом формы будущего времени изъявительного наклонения (Бертагаев, 1964, 84, 96-97, 99-100). О последней Б.Б.Бадмаев заметил: "Некоторые монголоеды считают, что в калмыцком языке нет специальной формы будущего времени, она передаётся причастием будущего времени. Однако это не так, это внешнее совпадение, а фактически формообразование у них разное. К этой форме наращиваются сказуемые частицы, которые не наращиваются к причастиям, если последние выступают действительно в функции причастий. Однако она и без сказуемых частиц выражает действие будущего времени изъявительного наклонения, т.е. в предложении является сказуемым, например: *Савһьр намчинчһн сүүдэрте сэрглен иньгүд саналдхь* (Б.Б.) - В тени кудрявых твоих ветвей будут весёлые друзья отдыхать. Эта форма изъявительного наклонения требует отрицания *уга, -шь/-ше* - не, например: *ирхе уга* - не придёт, *кэлхе уга* - не скажет (Бадмаев, 1963, 85-86), *одхшгьв* - не пойду (Тодаева, 1976, 160), а причастие будущего времени имеет отрицание *эсе* "не", например, *эсе ирхе күн* - человек, который не придёт, *эсе кэлхе күн* - человек, который не скажет (ГКЯ, 1983, 91).

В современном монгольском языке форма причастия будущего времени в предикативной позиции почти не употребляется, особенно без связок. Значение настоящего и будущего времени в нём передаётся преимущественно формой глагола на *-на/-нэ* и конкретизируется контекстом или условием употребления данного глагола. В бурятском же языке форма глагола на *-на* в значении будущего времени не употребляется и имеет только одно значение - настоящего времени. Она не указывает на длительность или кратковременность совершения действия (Бертагаев, 1964, 97, 99). В калмыцком языке она

выражает значение настоящего конкретного, но в основном выделяется значение расширенного настоящего (Харчевникова, 1983, 206-207). Таким образом, для обозначения действия, которое совершится в будущем в бурятском и калмыцком языках имеется специальная форма глагола на *-ха/-хэ* (в бур.) и *-хь/-хе* (в калм.), омонимичная причастию будущего времени и инфинитиву.

Употребление будущего причастия в атрибутивной функции преобладает. В этом случае оно обозначает процесс-признак (действие или состояние) определяемого предмета и его способность к действию, которое совершится в будущем. Функцию определения может выполнять одиночное причастие, а также причастие с зависимыми словами: *Гөрөлхө гөрөсөн кэээ учьрхвь гижө, татьлджь шүүрелдже суудьг болна* (Ж.) - Богатыри сидят, разговаривают и, хватая друг друга, громко спорят о том, когда же встретятся дикие звери, на которых можно будет поохотиться. *Анһахь амта, эделдег хооль уга* (Заг.) - С пастью, которая раскроется, но не имеет горла, чтобы глотать (Ножницы). *Бүрөн төгөс бөөһөд, күүнде оржь өгвө гихө алдършь уга му нэрен* (Ж.) - Несмыаемый позор (= который не смыть) - находясь в благополучии, кому-либо сдаваться. *Бэрэд мордхь дэл уга, батхнь хөрхө сүүле уга* (Посл.) - Нет гривы, чтобы, цепляясь, подняться, нет хвоста, чтобы отмахиваться от мух. *Күүнде кэлхө үгө эсө кэлегдхлө, күцөхө кэргэн бүтөхдө бэрке* (О.У.) - Если не высказать человеку слова, которые должны быть высказаны, трудно выполнить своё дело, которое предстоит сделать.

В приведённых примерах причастия имеют значения конкретного будущего времени, т.е. следования за моментом речи. Но причастие будущего времени может обозначать и процесс-признак, присущий данному предмету, как его назначение: *дасхь дэгтер* - учебник для изучения, *умшхь дэгтер* - книга для чтения, *анньхь ноха* - охотничья собака, *саахь үкер* - дойная корова, *мал бордхь совхоз* - откормочный совхоз, *нарьн һархь үзег* - сторона восхода солнца. Вместе с тем причастия будущего времени в атрибутивной позиции характеризуют определяемые предметы с точки зрения уже совершившегося действия, т.е. они употреблены со значением прошедшего времени: *Һунь орхь насьндан арьнзыл зээрдин үрө цагть көлө өргжө мордсьн* (Ж.) - Когда пошел ему третий год, он сел на своего трёхлетнего Рыжко.

Причастие будущего времени значительно чаще других причастий, подвергаясь синтаксической субстантивации, употребляется в падежных формах, сочетается с послелогоми, принимает частицы личного и безличного притяжания, вместе с зависимыми от него словами формирует причастный оборот и выступает в функциях имени существительного: развёрнутого (дополнения, обстоятельства и реже подлежащего).

В объектном употреблении может быть и одиночное причастие: *Уйдхан санад, туувьгдсьн йовдьг* (Фольк.) - Беспokoится, думая о предстоящей тоске. Время действия причастия будущего времени в этом случае определяется временным значением основного действия, выраженного глаголом или другими формами причастий: оказывается будущим не к моменту речи, а ко времени действия, выраженного глаголом: *Дөлөрксен көкиге Хоңһрин үүденде тоххин сэлгэн болвь* (Ж.) - Настала пора оседлать (= для оседлания) перед дверью Хонгора ретивого скакуна Бурко. *Нааран һархинен өменхен ямаран жаңһьрта дөрөлдөнде орсиге мэджөнчө* (Б.А.) - Тебе известно, в каких трудных соревнованиях (я) участвовал перед самым выездом сюда.

Будущее причастие в падежных формах с послелогоми выполняет также и обстоятельственные функции. Так, будучи в родительном и исходном падежах и сочетаясь с послелогоми *өмне, урдь* - перед, прежде, до, указывает на время совершения действия: *Намрин сарь экелхин өмне эден өвсөн зөөчклө* (Х.ү.) - До наступления осени они вывезли сено. *Нүүхөсөн өмне тэден тал оджь харһса* (Б.А.) - Как бы мне встретиться с ними до их отъезда. *Кэмер эднөхөн нүүхэр бөөхлө, Батагь йовхась урдь цуһар тэре хүремде яһад больвчын одхмьн* (Э.К.) - Если они собираются откочевать, то перед отбытием Баты все мы непременно должны пойти на ту свадьбу. *Баатриге орьн-нутгась ирхөсө урдь альвтынь нүүлһөд авад йовжь оджь болна* (Х.т.) - До возвращения богатыря на родину его подданных, оказывается, заставили перекочевать.

Формы родительного падежа причастия будущего времени с послелогоми *өмне, урдь*

выражают не предварительность, как ошибочно отмечено В.Дамбиновой (Дамбинова, 1983, 84), а последовательность его действия по отношению к действию предикативного глагола, т.е. выступают в своём основном значении следования, но не ограниченного близостью или отдалённостью от совершения действия глагола.

Однако причастия будущего времени в формах родительного и именительного падежей, сочетаясь с послелогоми *алдъндь* - около, *кэмде* - вовремя, указывают на близкое ограниченное время до совершения действия предикативного глагола: *Дэн төгсхин алдъндь* (= *төгсхин кэмде*) *эцкень кундэр шавтжъ* (Н.М.) - Накануне окончания войны её отец был тяжело ранен.

Причастие будущего времени в родительном и именительном падежах с послелогоми *хооръндь* - между тем, как; *зуурь* - в промежутке, между, в, во время; *дээре* - в момент имеют значение одновременности, т.е. обозначают отрезок времени (фон), в течение которого протекает действие предикативного глагола: *Өрүн асхъндь орад хархъ хооръндь оньдин Батаһар сонимсже күүндцхэнэ* (Э.К.) - Когда забегаешь мимоходом к ним по утрам и вечерам, всегда с интересом говорят о Бате. *Нааран йовжъ йовхъ зууран би санлав* (ХОТ) - Я вспомнил об этом, когда шел сюда. *Сүүре сэххе зуурь нэге цөөкен үге кэлве* (ХОТ) - Во время открытия собрания он произнёс небольшую речь. *Орчльң сэлгэтө болхънь күлхе дээре күлелций, чирхе дээре чирелций* (Ж.) - Коли в мире всё сменяется, то, когда будут связывать, поможем связать, когда будут волочить, поможем волочить. С послелогом *дээре* - в момент данная форма может иметь и значение ближайшего отрезка времени: *Хаалһь йовхъ дээрэн, тэрген-мөрнөнэн зиһэн сээнэр хэлэве* (ХОТ) - Перед отправлением в путь он ещё раз тщательно проверил свою упряжь.

Сочетание имени с послелогом *дээре* преимущественно совпадает по значению с формой дательного-местного падежа: *һазър дээре* (= *һазъртъ*) *унхъ* - упасть на землю, *цаасън дээре* (= *цаасъндь*) *бичхе* - писать на бумаге. Напротив, сочетание причастия будущего времени с послелогом *дээре* и форма дательного-местного падежа расходятся по значению (одновременность, либо ближайшее время для совершения действия глагола и отдалённое время для выполнения действия глагола в плане прошедшего времени: *йовхъ дээре* - в момент отправления; перед тем, как пойти и *йовхдъ* - когда был в пути; *одхъ дээрэн* - в момент отправления, перед отправлением и *одхдъ* - когда ходил имеет значение результата действия и определённого его достижения): *Насънь ирсен өвген улъм гэмьень икдэд, үкхдэн өөрдэд ирнэ* (Х.т.) - К старости дед ещё больше заболел, приблизился к смерти. *Намагъ тэднәһүр одхдъ гэрэн бөрөд дуусхдан өөрдже йовла* (О.У.) - Когда я побывал у них, они заканчивали строительство дома (= приблизились к завершению строительства). Причастие будущего времени в форме дательного-местного падежа также имеет и значение "причинной обусловленности действия": *Борисиге цэргәсе ирхде экень йир икәр байрьльвэ* (О.У.) - Мать сильно обрадовалась тому, что Борис прибывает из армии (= прибытию Бориса).

К этому же ряду относится и сочетание причастия будущего времени с послелогом *дутьм, дутман* "чем больше,.. тем...", обозначающее одновременное усиление процесса протекания действия предикативного глагола на фоне усиления действия причастного оборота: *Салькын икәр үләхе дутьм мөртө күн салькиге хараһад йоввь* (ХОТ) - Чем сильнее становился ветер, тем больше всадник его проклинал. *Тэре кэлхе дутман улъм хурцдад ирве* (ХОТ) - Чем больше он говорил, тем сильнее распалялся (= речь его становилась острее). *Мөриге шавдхъ дутман тэрүнә көлень чанһьдад йовна* (Э.К.) - Чем больше подстёгиваешь лошадь, тем сильнее улучшается её бег.

В сочетании с послелогом *күртел* - до форма причастия будущего времени обозначает, что действие причастия является пределом, до начала которого должно совершиться действие глагола: *Манһдур өрүн нарън мандьлхъ күртел мини нурһьн дээре торъ* (Х.т.) - Продержись на моей спине до того, как завтра утром засияет солнце. Употребляясь в качестве отглагольного имени (т.е. в случае лексической субстантивации), подобное сочетание имеет прямое обозначение предела: *Уухъ-идхәсен авън өмсхе зүүхе күртел мана гэрте дүүрен.* - Наш дом полон пищи и одежды (= начиная с пищи до одежды).

Объектное употребление будущего причастия в родительном падеже с послелогом

төлө "для, ради", кэреге "для того, чтобы..." обозначает также цель действия: *Малыгь киитен үвләсе сәәнәр һарһхин төлө үкерче күче-көлсән хармнъл уга кәделве* (Д.Б.) - Скотник работал, не жалея сил, чтобы вывести скот из холодной зимовки хорошо упитанным. Причастный оборот выражает значение следования действия по отношению не к моменту речи, а к действию глагола в предикативном значении: *Баһчудыгь кәделмеште дасххин төлө орън-нутыгь профессиональн-техническ школмуд дэлгержәнө* (Х.Ү.) - В стране расширяется сеть профессионально-технических школ для обучения молодёжи труду. *Сәәнәр сурхь кэреге дэгтер икәр умшжъ, тэрүнәсе зөрмень бичже авхмън* (О.У.) - Для того, чтобы хорошо учиться, надо много читать и конспектировать.

Сочетание причастия будущего времени в родительном падеже с послелогом *тускъ* "о, про, в отношении" обозначает предмет речи: *Цуг әмтен колхоз бүрдәхин тускъ хурьгьт ирве* (М.Н.) - Все люди пришли на собрание о создании колхоза.

Причастие будущего времени с послелогом *орчдь (=оръмдь)* "вместо" в форме родительного падежа передаёт заменное значение действия причастия действием глагола: *Хәре һазьртъ оджъ, арһсън-түләнө күн болжъ, зарьгдхин орчдь әгер харъ булгин көвөде ааһъ цусан асхълцнав* (Ж.) - Чем быть в чужой стране сборщиком аргала, я лучше пролью чашу крови на берегу чёрной реки. *Иигже үкхин оръмдь шаазһа сән нәәждән күрәд үзий* (Х.Т.) - Чем так умирать, лучше попытаемся добраться до нашего хорошего друга-сороки. Причастные обороты, формируемые сочетанием причастия будущего времени в родительном падеже с послелогом *орчдь (=оръмдь)*, по содержанию аналогичны с оборотом заменного деепричастия на *-хар/-хәр* "чем..., лучше...", образованного на базе причастного субстантива будущего времени в орудном падеже.

Причастие будущего времени в дательном-местном падеже с частицей притяжания и без неё выступает в различных функциях и обозначает: 1) адресата действия, в пользу которого совершается действие: *Мәргенде гөрәсе шахъ, мэдхде үге кәле* (Посл.) - Меткому помогай в облавной охоте на диких зверей, говори тому, кто поймёт (= понимающему). *Ирхдөн үүдөн өргәр сәкәтә бәәхе болтха* (Э.К.) - Пусть для проходящих дверь их будет всегда открыта; 2) назначение и цель действия: *Эргү күн сурһьхдан дурьлна, ухата күн сурхдан дурьлна* (Посл.) - Недалёкий человек тяготеет к поучению, а умный тяготеет к учёбе; 3) обстоятельство времени, действие которого предшествует действию глагола в прошлом: *Медицинск институт чиләхдән Әлзәте дотър гәмин эмче болжъ кәделхе зөвтә билә* (Б.А.) - По окончании института Эльзата должна была работать терапевтом. *Колхоз тогтахдэ эне түрүн болжъ бичегдлә* (Н.М.) - В период образования колхоза он записался первым.

Функция обстоятельства времени выполняется и сочетанием причастия будущего времени с послелогом *цагть* "во время": *Бата Саратовдъ сурһуль сурчъ йовхъ цагть Занда школдь багшъ кәделже бәәлә* (Н.М.) - Во время учебы Баты в Саратове Занда работала в школе учительницей.

Причастие будущего времени в винительном падеже обозначает процесс действия и выступает в функции прямого дополнения: *Саһъ дөрвен туруһарън дөчен йисен хонга һазьртъ гүүхән санвь* (Ж.) - Стал думать о том, что ему предстоит бежать (= о своём беге) четырьмя волосатыми копытами расстояние, равное сорока девяти дням пути. *Юңгад эне хаалһъ тосхжахиге тәден цәәлһдег билә* (О.У.) - Они разъясняли, почему ведётся строительство этой дороги. *Үкерче сәәнәр малан хәләжәхиге совхозин зоотехник мәднә* (Б.Ал.) - Зоотехник совхоза знает, что скотник хорошо ухаживает за скотом.

В орудном падеже субстантивная форма причастия будущего времени употребляется непременно с частицей притяжания и выступает в роли обстоятельства образа действия, а также средства совершения действия: *Окоп талан үкен гүүхәрен салдъс хурдължъ йовла, гәнткен тэрүнә өөре өшәтнә хайсън бомбъ хаһьрвь* (Н.М.) - Солдат быстрым бегом мчался к окопу, вдруг около него взорвалась брошенная врагами бомба. *Эмген үкхәрен әәлһдег, күүкен уульхарън әәлһдег* (Посл.) - Старуха пугает своей смертью, а девушка пугает своими слезами. С другой стороны, формы субстантивированного причастия будущего времени в орудном падеже без притяжания аналогичны отымённым глаголам: *Көвүн мөрнә гүүхәр довтължъ йовла* (Бадм. Б.) - Юноша галопировал, пользуясь бегом коня. В данном случае *мөрнә гүүхәр = мөрнә гүүдләр* "бегом коня".

Данная субстантивная форма орудного падежа причастия будущего времени является грамматической омонимией целевого и заменного деепричастий и отличается от них тем, что преимущественно принимает частицы притяжания, а формы целевого и заменного деепричастий - не принимают: *Өвген тэре салат бөөсен хуьдгась мөред усълхар одла, - гиже Болха кэлве* (Э.К.) - Болха сказала, что старик отправился поить лошадей из колодца, находящегося в балке. *Үге мэдешго күүнде үге кэлхэр, үкрин өвер дээре зарьм цаць* (Посл.) - Чем разговаривать с непонимающим человеком, лучше посыпать просо на рога коровы.

Таким образом, от субстантивных форм причастия будущего времени в орудном падеже отпочковались формы целевого и заменного деепричастий, представляющие собой в современном калмыцком языке грамматическую омонимию.

Причастие будущего времени в субстантивном употреблении очень редко выступает в функции подлежащего, оно принимает только лично-притяжательные частицы и обозначает чаще всего отвлечённое действие или процесс действия: *Уухь-идхень элвэг. - Питьё и еда у них в изобилии. Зурахан цагасьн өмне күүцөхень мандь эрте мэдэгдлө* (О.У.) - Нам давно было известно, что работа будет выполнена ими досрочно (= их досрочное выполнение). *Өмнөсөнь нарьн-сарь болгсьн сөөхөн бэре дуульн аашхьнь үзегдвэ* (Х.т.) - Было видно, как навстречу с песнями шла молодая женщина, подобная луне и солнцу (= её шествие).

В субъектном употреблении причастия будущего времени наблюдается и то, что подлежащим оно является формально, фактически же является обстоятельством времени, аналогичным временному значению условного деепричастия (-хла/-хлө), образованного на базе причастного субстантива будущего времени в соединительном падеже: *Төрскен сэлэнүрен күрөд ирхень, кэсег баһь цагин үүрмүд, тодьльвөрмүд күүнө санандь оржь, хуучиге сэргөнө* (Д.Б.) - Как только приезжает (= его приезд) в родное село, воспоминания пробуждают в памяти человека много друзей молодости, прошлое. *Ан шову харьвжь йовхьнь, күчтө кулгин тоосьн харьгдвь* (Ж.) - Когда охотился на птиц, вдали показалась пыль из-под копыт боевых коней.

В калмыцком языке будущее причастие в соединительном падеже, как и в других монгольских языках, в субстантивном значении не употребляется, это отмечалось исследователями монгольских языков (Попов, 1847, 165; Бобровников, 1849, 144; Котвич, 1915, 116). По замечанию М.Н.Орловской, данная форма явилась "родоначальником условного деепричастия с окончанием -хула (-хүле)" (Орловская, 1958, 105).

Вышеизложенный анализ причастий будущего времени показывает, что оно представляет собой одно из наиболее продуктивных причастных форм в современном калмыцком языке. Употребление в атрибутивной функции в значительной степени раскрывает сущность природы причастия будущего времени. В субстантивном употреблении преобладают падежные формы (с послелогоми, с частицами притяжания и без них) родительного, дательного-местного, винительного и исходного падежей. Формы орудного падежа в субстантивном употреблении выступают более ограниченно, это обусловлено тем, что часть из них стала базой для формирования целевого и заменного деепричастий, а формы причастий в соединительном падеже вообще не употребляются в субстантивном значении, так как они, как и названные формы орудного падежа, утратив всякие субстантивные свойства, перешли в разряд обстоятельственных деепричастных форм. Называя второстепенные действия, соотносительные с основным действием глагола, они выражают различные обстоятельства его совершения.

Потенциальное причастие

Впервые об этом причастии на -ма/-мэ и -м (после гласных), как употребляемом только при описании величины и расстояния предметов, упомянул А.Бобровников: *Суму харбум газара...* - на расстоянии выстрела стрелой (от нашего дома) (Бобровников, 1849, 250). Позднее Вл.Котвич причастную форму на -мр (-мл) включил в группу причастий страдательного состояния: *гурмр (гурмл) "плетённый", хатамр (хатамл) "засохший"* (Котвич, 1929, 286-299). По определению Г.Д. Санжеева, назвавшего эту форму причастием возможности,

она характеризует объект или предмет такого действия будущего времени, совершение которого признается очевидным, вероятным, неизбежным, возможным, допустимым или необходимым. В предложении это причастие употребляется преимущественно в атрибутивной и предикативной позициях, а также и прочих синтаксических функциях, если оно сопровождается, как правило, вспомогательным глаголом в одной из причастных или деепричастных форм. Суффикс данного причастия на *-мар*, по его мнению, представляет собою генетически отглагольное имя в орудном падеже (Санжеев, 1963, 134; 205).

В определении потенциального причастия явно прослеживается два ряда значений: очевидное и вероятное, неизбежное и возможное, необходимое и допустимое, которые предполагают совершение действия не только в будущем, но, представляется, и в плане расширенного настоящего времени, обусловленного такими значениями достоверности, как очевидное, неизбежное и необходимое.

Данное причастие достаточно сложно для анализа. Так, в "Грамматике калмыцкого языка" - 83 содержание главы "Причастие возможности" (Дамбинова, 1983, 247) представляется ошибочным, так как в их составе анализируются относительные прилагательные с суффиксом *-мр* (*-мар*) и предварительное деепричастие на *-м* цацу, но совсем отсутствует сам предмет анализа - причастие возможности.

В современном калмыцком языке потенциальное причастие (термин принят Б.Бадмаевым - 1964, 93) образуется от ограниченного количества глагольных основ при помощи суффикса *-м*, является малопродуктивным и обозначает действие-признак предмета, совершение которого оказывается возможным, вероятным и допустимым в будущем, либо действие-признак признаётся очевидным, неизбежным и необходимым и совершается в рамках расширенного настоящего времени. И в отличие от других монгольских языков оно встречается только в атрибутивной позиции (Бадмаев, 1964, 94): *күцэм кэрег* - дело, которое возможно выполнить и выполняемое дело; *сонсьм ө* - звук, который возможно услышать и слышимый звук; *кэлем үге* - слово, которое можно сказать и произносимое слово. *Дөрвен зүсен мал дөгөжө кэлхлө, һазрин көрсен эсе үзегдем ольн* (Х.т.) - Если сказать о четырёх видах скота, преувеличивая, то невидима кора земли (=невозможно увидеть). *Цааран хөлөхөнь цаадь дала заһсьн тоольгдъм сөөхөн...*(Ж.) - Если взглянет вдале, можно рыбу пересчитать в дальнем океане...

Значение возможности или очевидности действия-признака усиливается присоединением к данной форме подтвердительной частицы *-л*, например: *кэлмел күн* - человек, который, весьма возможно, скажет и ...весьма очевидно, способен говорить. При сочетании данной формы со словом *дүнгө* "приблизительно" значение возможности и очевидности, напротив, ослабляется: *кэлмел дүнгө күн* - человек, который, возможно, сумеет сказать и, очевидно, сумеет сказать.

Вызывает возражение утверждение Б.Бадмаева о том, что "в современном калмыцком языке это причастие выступает в функции определения, поэтому его лучше считать отглагольным прилагательным" (Бадмаев, 1964, 94), так как потенциальное причастие обладает основным свойством глагола управлять другими именами. С помощью суффикса *-м* (*-мьр/-мер*) образуются относительные прилагательные, мотивированные глагольной основой, и обозначают признак предмета по результату действия: *күртем* - достаточный от *курхе* - хватать, быть в достаточном количестве; *идем* - съедобный от *идхе* - есть, кушать; *гүрмер* - плетёный от *гүрхе* - плести; *хатхмьр* - вышитый от *хатххь* - вышивать; *өлгмер* - вязаный от *өлгхе* - вязать; *умшмьр* - читабельный от *умшхь* - читать. Они отличаются от причастия возможности тем, что обозначают только признак и не обладают способностью управлять падежами: *Алтн утцар кээрүлсен хатхмьр махла*. - Вышитая шапка, украшенная узорами из золотистой нити.

Причастие потенциальное в калмыцком языке, как и продолжительное причастие настоящего времени на *-а/-ө* и страдательное причастие на *-ата/-өтө*, не подвергается субстантивации.

Из существующих двух терминов: причастие возможности и потенциальное причастие - последний представляется предпочтительным, так как содержит в себе все перечисленные значения данной причастной формы.

Страдательные причастия

О страдательных причастиях на *-ата/-этэ*, отмеченных Вл.Котвичем, Г.Д.Санжеев писал, что они часто употребляются вместо страдательных глаголов в определительной и предикативной позициях, особенно в случаях субъектно-объектной необратимости, когда речь идёт о предметах (Санжеев, 1963, 57). На наш взгляд, было бы вернее отметить, что данное причастие само выражает значение страдательности и является одним из средств выражения значения субъектно-объектной необратимости.

В калмыцком языке суффикс страдательного причастия *-ата/-этэ* образуется присоединением окончания совместного падежа *-та/-тэ* к форме продолжительного причастия на *-а/-э*. Страдательные причастия на *-ата/-этэ* образуются от основ переходных глаголов действительного и побудительного залогов нейтрального вида и употребляются преимущественно в случаях, когда речь идёт о неодушевлённых предметах. Они обозначают действие-признак, которому подвергается или в котором пребывает определённый предмет. Предметы-объекты как не могут сами активно производить действие, так не могут и "переживать", в точном смысле этого слова, действие (Конрад, 1937, 200). Поэтому они чаще всего не вступают в отношения субъектно-объектной обратимости, т.е. в залоговое противопоставление актива и пассива: *татата тэрген* - запряжённая телега от *татхь* - запрячь, *хатхата жидмуд* - воткнутые копыя от *хатхь* - воткнуть, *дэлгэтэ харь ишкэ* - постеленная чёрная кошма. *Хажудьнь хуралхата өтег арһсын салькын ордыг нүктөһөр хоршульгад, өдел-өдел багар тэвкерлөтэ* (Э.К.) - Нарезанный кизяк сложен рядом одинаковыми кучками с отверстиями для проветривания.

Страдательное причастие употребляется преимущественно в определительной позиции и указывает, что действие-признак определяемого предмета уже совершено в прошедшем времени.

Использованная литература

1. Алексеев Д.А. Части речи в бурят-монгольском языке // Записки БГИЯЛИ. т.V-VI, Улан-Удэ, 1941.
2. Бадмаев Б.Б. Грамматика калмыцкого языка. Морфология. Элиста, 1966.
3. Бертагаев Т.А. О морфологическом строе бурятского языка. М., 1961.
4. Бертагаев Т.А. О комплексной характеристике частей речи // Вопросы теории частей речи. Л., 1968, с. 240-244.
5. Бертагаев Т.А. Синтаксис современного монгольского языка в сравнительно-историческом освещении. Простое предложение. М., 1964.
6. Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849.
7. ГКЯ - Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста, 1983.
8. ГБЯ - Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М., 1962.
9. Дарбеева А.А. О субстантивном употреблении имен прилагательных в бурятском языке // Филология и история монгольских народов. М., 1958, с. 152-165.
10. Дамбинова В.Д. Причастия будущего времени в монгольских языках. Автореф... канд. филол. наук. Элиста, 1983.
11. Каляев А.Л. Имя прилагательное в современном калмыцком языке. Автореф... канд. филол. наук. М.- Элиста, 1970.
12. Касьяненко З.К. Современный монгольский язык. Л., 1968
13. Ковалевский О. Краткая грамматика монгольского книжного языка. Казань, 1835.
14. Конрад Н.И. Синтаксис японского национального литературного языка М., 1937.
15. Котвич В.Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Петроград, 1915; Ржевице у Праги, 1929.
16. Кичиков А.Ш. Дербетский говор (Фонетико-морфологическое исследование) Элиста, 1963.
17. Маслов Ю.С. Омонимы в словах и омонимия в языке // Вопросы теории и истории языка. М., 1963.
18. Орловская М.Н. Основные именные части речи в монгольском языке (имена су-

ществительные и прилагательные). Автореф... канд. филол. наук, М., 1953.

19. Орловская М.Н. Употребление причастий в «Сокровенном сказании» монголов // Филология и история монгольских народов. М., 1958, с. 101-126.
20. Очиров У.У. Причастный оборот // Вопросы калмыцкой филологии. Элиста, 1984, с. 63-90.
21. Очра У. Өдгэ цагин хальмг келн. Синтаксис. Элст, 1990.
22. Поппе Н.Н. Грамматика бурят-монгольского языка. М.-Л., 1938.
23. Poppe N. Introduction to mongolian comparative studies – MSFOng, 1955, s. 251-291. T. 110.
24. Попов А. Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1847.
25. Пюрбеев Г.Ц. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис простого предложения. Элиста, 1977.
26. Ramstedt G.J. Uber die Konjugation des Khalkha-mongolischen. – MSFOng, t. XIX. Helsingfors, 1903.
27. Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. Морфология. Перевод с немецкого. М., 1957.
28. Руднев А. Материалы по говорам Восточной Монголии. СПб., 1911.
29. Руднев А. Хори-бурятский говор (Опыт исследования, тексты, перевод и примечания). Т.І. XXX. VIII, вып.І, СПб., 1913-1914.
30. РГ - Русская грамматика. Т.1. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразования, морфология. М., 1980.
31. Санжеев Г.Д. Грамматика бурят-монгольского языка. М.-Л., 1941.
32. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963.
33. Smedt A. et Mostaert A. Le dialecte monguor, II partie, Grammaire, Peking, 1945.
34. Сусеева Д.А. К вопросу о причастиях в калмыцком языке // Научные труды преподавателей Калмыцкого государственного пединститута. Ставрополь, 1969.
35. Сусеева Д.А. Закономерности развития калмыцкого языка в советскую эпоху. Элиста, 1978.
36. Тодаева Б.Х. Грамматика современного монгольского языка. М., 1951
37. Тодаева Б.Х. Значения и функции падежей в калмыцком языке // Записки КНИ-ИЯЛИ. Вып.1. Элиста, 1960.
38. Тодаева Б.Х. Монгольские языки и диалекты Китая. М., 1967.
39. Тодаева Б.Х. Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар». Элиста, 1976.
- Харчевникова Р.П. Система глагола
40. Цэдэндамба Ц. Грамматическая характеристика и структурно-семантические особенности причастий в монгольском языке (в сопоставлении с причастиями русского языка). Автореф... канд. филол. наук. М., 1970.
41. Цэдэндамба Ц. Субстантивация причастий и их синтаксические функции // Эр-дэм шинжилгээнэй бичиг. Улан-Батор, 1972, №41, с. 55-75.
42. Цэдэндамба Ц. Очерки по сопоставительной грамматике русского и монгольского языков. Улан-Батор, 1974.
43. Цыдыпов Ц.-Ж. Ц. Аналитические конструкции в бурятском языке. Улан-Удэ, 1972.
44. Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматические категории бурятского языка в сравнительно-историческом освещении. М., 1979.
45. Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык. Словообразование. Морфология. М., 1981.
46. Шархуу А. Деепричастия и деепричастные конструкции в современном монгольском языке в сопоставлении с аналогичными фактами русского языка. Автореф... канд. филол. наук. М., 1971.
47. Шмидт Я. Грамматика монгольского языка. С-Пб., 1832.